

Нина Васина

Дурочка (Ожидание гусеницы)

Нина Васина

Дурочка (Ожидание гусеницы)

«Автор»

2014

Васина Н.

Дурочка (Ожидание гусеницы) / Н. Васина — «Автор», 2014

Самоубийство известного профессора дает возможность молодому офицеру жениться на дочери майора госбезопасности в отставке Смирновской, поселиться в ее московской квартире и влюбить в себя юную жену Аглаю. Однако, семейная жизнь оказывается нелегким испытанием. Теща не потеряла навыков боевой подготовки и всегда готова отработать их на зяте, у красавицы жены диагноз – «умственное отставание в развитии», а в доме профессора после его смерти появляются трупы, от которых лейтенанту приходится избавляться. Оказавшись втянутым в грязную аферу с пропавшими счетами бывших КГБэшников, лейтенант спасает женщин от бандитов и разгадывает причину настойчивой слежки за квартирой тещи и взлома ее сейфа.

© Васина Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Урок истории	6
Социальная адаптация.	10
Обществоведение	14
Прощание профессора (кое-что об уроках русского языка)	16
Урок гигиены.	20
Возвращение домработницы	23
Урок выживания	27
Предсмертная записка	30
Сватовство лейтенанта	33
Определение понятий	35
Платье	38
Нестандарт	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нина Васина

Дурочка (Ожидание гусеницы)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*«...поднимаются в лифте живые,
неживые и полуживые,
ждут в потемках, где каплет вода...
за дверями стоят, как беда,
сверла медленно вводят в затворы
и сейчас оборвут провода»*

А.Тарковский «Бессонница»

Урок истории

Когда Лайке исполнилось восемнадцать, в усадьбу приехал Крэзи-бой. Преподавать урок истории в ее день рождения. Лайка вышла в длинном до щиколоток платье, потопталась на крашенных досках пола и замерла, установив голые ступни в балетной позиции номер «раз». Осмотрев ученицу, гость застыл оторопевшим взглядом где-то в области ее лба. Для этого весьма упитанному мужчине за пятьдесят пришлось отвалиться на спинку кресла и запрокинуть бульдожье лицо. Стоящая рядом Лукреция отчиталась:

– Метр восемьдесят восемь. За последний год выросла еще на три сантиметра.

– И в кого она... – попытался в который раз Крэзи-бой, но Лукреция как всегда сердито оборвала.

– Не начинай!

– А платье такое откуда? Из погорелого театра?

– Из бабушкиного сундука, – доложила Лукреция. – Между прочим, мне доктор посоветовал занять ее шитьем или вязанием. Сундук пришелся кстати.

Май в девяносто пятом выдался теплым, но дождливым. Уроки проходили на террасе. Крэзи-бой, выпив чаю, устроился в самом объемном кресле, которое нашлось в сарае, где сваливалась старая мебель, и приказал:

– Возьми чистую тетрадку и подпиши ее.

На это у Лайки ушло почти десять минут. Учитель в ожидании подремал под тихий шелест дождя. Ему не помешала ни сломанная вылезшая пружина под левой ягодицей, ни шепот про себя девушки при подписании тетрадки. Когда установилась тишина, Крэзи-бой открыл глаза и посмотрел на ученицу, прилежно сложившую руки под заметно выдающейся грудью. В который раз его поразило отстраненное выражение лица этого ребенка, он почему-то подумал, бьет ли ее Лукреция?.. Подумал, может ли боль прогнать эту отстраненность и придать хоть сколько осмысленности широко расставленным серым глазам с легкой чудиной почти незаметного косоглазия – к вискам.

– Подписала? Покажи.

Девушка встала из-за стола, подошла к креслу и протянула тонкую тетрадку в линейку. На ее обложке в идеальном каллиграфическом исполнении было выведено: «Тетрадь № 8 Аглаи Смирновской для занятий по истории».

– Вот тут слово надо добавить. «По истории шпионизма». Кто такие шпионы, знаешь?

Аглая кивнула.

– А чем отличается шпион от разведчика?

Девушка подумала и покачала головой.

– Это просто, – махнул рукой Крэзи-бой. – Если наш разведчик уедет разведывать чужие секреты в чужую страну, там он станет шпионом. И – наоборот. Из этого следует... Что из этого следует?

– Что шпион и разведчик – одно и то же.

– Прекрасно! – восхитился учитель. – Прогресс налицо! Садись и пиши на первой странице. Сначала – сегодняшнее число. Написала? Теперь, большими буквами через тире: ЧК – ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ – ФСБ. Написала? На нижней строчке напишешь фамилии, которые я назову. Готова?

Лайка застыла. Выражение лица не изменилось, но Крэзи-бой сразу понял – нужна помощь.

С трудом выбравшись из кресла, он подошел к столу.

– Немножко неправильно. Че-ка – это две буквы, без «Ч» и «К». Вот КГБ написала правильно. Мать говорит только о КГБ, да? Ну ладно, ладно, напиши заново, все без гласных. Только две гласных – в ОГПУ, вот тут. Поняла?

Он погладил девушку по толстой русой косе на спине и вернулся в кресло.

– Итак, пишем «Ленин», далее – «Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин». Это руководители страной при каждой из структур, означенных выше. Покажи, что получилось.

Аглая принесла ему тетрадь и дождалась реакции. После удовлетворительно кивка учителя она чуть покраснела. Крэзи-бой достал свою дорогую чернильную ручку с золотым пером и соединил линиями фамилии с написанными сверху буквами.

– Вот так надо, поняла? Молодец. Теперь напиши под фамилиями слово «деньги».

Аглая вернулась к столу.

– И от этого слова две черточки вниз. Сосредоточься. Я буду говорить слова, а ты запишешь из них только первые буквы. Это называется аббревиатура. Готова? Управление делами Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. Что у нас получается по буквам? Не спеши, думай.

– УД ЦК КПСС, – кивнула Аглая.

– Правильно. Молодец. Теперь зашифруй таким же образом второй орган управления. Международный отдел ЦК КПСС. Уверен, что у тебя все правильно получилось. Что мы теперь из всего нарисованного имеем? Краткую схему управления властью и деньгами в советской, а затем демократической России. Вопросы есть?

Аглая задумалась, уставившись в тетрадь. Потом подняла глаза и спросила:

– А власть у кого была? У аббревиатуры или у фамилий?

– А власть всегда у силовиков. А силовые структуры у нас где? В первой стро-о-очке. Эти самые структуры и занимались шпионами. Мы перечислили наименования, которыми силовики обзывали свой главный орган с семнадцатого года по сей день. Там, конечно, тоже были свои руководители, но шапку с ними мы заполним позже. Теперь и ты мне ответь на вопрос. Кто же по этой схеме заправлял деньгами?

Девушка просмотрела всю страницу, дернула плечиком.

– Вот эта, которая КПСС. При помощи двух отделов.

– Да ты же умница! – восхитился Крэзи-бой. – Еще вопросы?

Аглая кивнула.

– Эти отделы делили деньги на всех жителей страны поровну?

– Нет, там сложная структура была. Наша Таша работала в этой структуре и знает ее досконально. Поэ-э-та-а-му-у... – протянул Крэзи-бой и хитро подмигнул девушке, – ты у нее и узнай подробненько о распределении денег. И запиши потом себе в тетрадочку. Ладненько? На этом урок истории закончен. Будем играть в прятки?

Девушка радостно закивала и бросилась к столу. Нашла нужную тетрадь с надписью «прятки». Тетрадь была толстой, в 96 листов и почти вся заполнена.

– Ты прочтешь начало, середину или конец? Что мне искать? – спросила она.

Крэзи-бой задумался, потом кивнул:

– Фамилия поэта Тар-ков-ский. Я прочту середину.

И заговорил низким сильным голосом, как запел:

– «Есть только явь и свет, ни тьмы, ни смерти нет на этом свете. Мы все уже на берегу морском, и я из тех, кто выбирает сети, когда идет бессмертье косяком». (*Тарковский «Жизнь, жизнь»*).

– Вот, я записала, – Аглая отдала тетрадь и присела на перила террасы, подставив ладонь каплям с навеса. Крэзи-бой осторожно переворачивал страницы с цветными стихами: загадан-

ное Аглая писала синим, а найденные потом конец или начало стихотворений – красным и зеленым.

На террасу вышла Лукреция с папиросой и покачала головой:

– Все шпионы предсказуемы. Бакенщик зимой приезжал. Сначала Маяковским долбил с выражением и пафосом, чтобы рассмешить нас, а загадал Штейнберга. Ну откуда у меня, скажи пожалуйста, Штейнберг? Ради общего развития Лайки могли бы и отступить от диссидентщины. А он теперь назло пишет ей в тетрадь частушки и поговорки.

– Зато у мамы из-за таких прятков появилось много книг со стихами, – подала голос Аглая. – Я по Пушкину и Лермонтову найду что угодно за секунду, потому что... потому что много запомнила с детства. Не верите? Запрячьте мне, что хотите из Пушкина.

Крэзи-бой посмотрел на девушку с грустью и торжественно объявил:

– Я тебе верю!

Вытащил погасшую папиросу из руки присевшей на подлокотник его кресла Лукреции и спросил:

– Она прозу читает?

– А зачем? – пожала плечами Лукреция.

– Откуда тогда такая поразительная грамотность? Ни одной ошибки. Те, кто мало читает, редко пишут грамотно.

– С десяти лет раз в неделю мой сосед по даче профессор Ционовский преподавал ей русский язык и математику. Да-да! А ты думал, что профессор ко мне клеится, а Лайку домработница только одна и воспитывала? Кстати, это он сказал, что поэзия предпочтительна при установлении правильного понимания языка. И оказался прав. Стихи – самое то для умственно отсталых.

– Не надо так говорить, – Крэзи-бой покосился на девушку. – Стихи – это образы, нужно читать прозу, чтобы...

– Чего же ты прозу не декламируешь, а? – перебила Лукреция. – Это ваша четверка придумала играть с нею в стихи. Шпарили бы прозу наизусть, глядишь, и у меня на полках стояли бы другие книги.

– Да уж... – Крэзи-бой завел руку назад и обхватил Лукрецию за объемную талию. – Я из прозы наизусть помню только выдержки из статей Ленина. Со дня принятия в комсомол помню, как выжгло от страха, что не примут.

– А «чуден Днепр при тихой погоде»? – толкнула его плечом Лукреция.

– Нет. Гоголя плохо помню, из Горького помню «над седой равниной моря гордо веет буревестник».

– Но это же стихи!

– Думаешь?..

– А я что говорю? Стихи всегда лучше для слабоумных.

Лукреция шлепнула ухажера по заблудившейся руке, и они ушли в дом пить водку.

Аглая спустилась со ступенек в мокрую траву и медленно пошла босыми ногами к лягушке, застывшей в невесомости мелкого дождя. Подкралась сзади и опустила холодную ступню на черно-зеленую спинку так легко и нежно, что лягушка не ощутила угрозы.

Из окна столовой Крэзи-бой внимательно следил за девушкой. Погибшая лягушка была ему не видна, но несколько таких особей он заметил на дороге, раздавленных шинами, поэтому легко смог представить, что именно тщательно оттирает Аглая со ступни о мокрую траву.

– Лакрица! – крикнул он хозяйке, на скорую руку собиравшей закуску в кухне, – А где сейчас дневники твоей дочери?

– Дневники? – удивилась вошедшая с подносом Лукреция. – В смысле, записи о прожитых днях?

– У меня тоже первая реакция на слово «дневник» – оценки и замечаниями учителя, – кивнул, усмехнувшись, Крэзи-бой.

– Ее ранние записи, которые ты нашел, когда стол ремонтировал, брал профессор Ционовский. Еще давно. Он по Аглае собирался научный труд писать. Что-то на тему особых программ обучения русскому языку. А тебе зачем?

– Так... Хотел *понастальгировать*. Помнишь ее первую запись, мы с тобой еще хохотали, когда нашли: «Приезжали мамины друзья. Крэзи-бой стрелял по воронам. Вороны падали, Туся затыкала уши пальцами. Дядя Семен с тетей Наташей зарыли в землю ящик с прошлым. Ящик красивый и блестящий. Туся...» что-то там, не помню.

– «Туся ударила дядю Пашу по носу, потому что подгорел пирог» – продолжила Лукреция. – Санитар в восемьдесят восьмом как раз освободился и запал на Таисию. Пирог сгорел, потому что он ее в это время раздевал. А в девяносто первом? «Дядя Семен с тетей Наташей выкопали металлический ящик без прошлого. Крэзи-бой бегал за ними с пистолетом. Туся ударила дядю Пашу под глаз, потому что кофе *убежало* из кастрюли и *залило* плиту».

– Бегал, точно – бегал... Кейс оказался пустым, – грустно улыбнулся Крэзи-бой. – Без прошлого. Обманула меня Наташка, впрочем, как всегда. А ведь в первой тетрадке ошибки были в каждом слове – *Пришжали мамыны друзья*.

– Да уж... Я за дочку памятник должна поставить Ционовскому. Хотя именно из-за этих ошибок и их постепенного исчезновения потом у меня и появилась мысль издать дневники дочери. С соответствующими пояснениями, конечно, и некоторыми реальными фактами из нашей жизни того времени. Как это... Взгляд умственно отсталого ребенка на смутное время перемен, а?

– Ерунда, – серьезно заметил Крэзи-бой. – Это никому не интересно, кроме нас пятерых. «Дядя Семен уронил тетю Наташу в коридоре, когда все спали, и засунул ей в рот...»

– Прекрати!.. – Лукреция встревожено осмотрелась.

– «...засунул ей в рот пистолет Крэзи-боя», – продолжил гость, разливая водку в рюмки.

– Даже так? – удивилась Лукреция. – Я не знала.

– Конечно, ты не знала. Эту страницу за «26 октября 1991 года, пошел снег» я вырвал на следующий день утром из тетрадки, пока Аглая спала. Мы ведь накануне того дня все перессорились. И больше не собираемся вместе. И сюда приезжаем только порознь. Это я предложил от дневников перейти к познавательным урокам, и всем понравилось. Теперь у Лайки много-много тетрадок по разным предметам, а дневников она больше не пишет. Или пишет?

Он взглянул на Лукрецию безысходным взглядом старой собаки.

Социальная адаптация.

В июле в гости пожаловала Наша Таша. Она так и предупредила утренним звонком по телефону: «Я к вам *пожалую* сегодня. И не одна, с *флигель-адъютантом*». Трубку взяла Аглая и тут же побежала узнать у матери, что еще за флигель-адъютант, повторяя про себя шепотом: «пожалуй, я пожалую и пожалуюсь, пожалуй-ста... пожалейте меня и жалуйте...»

Лукреция, нашарив на тумбочке у кровати зажигалку и папиросы, осмотрела обнаженную дочь, присевшую к ней на кровать, тяжело вздохнула и закрыла потом глаза, прикуривая.

– Это военный чин. Из царских времен. Так называли офицера императорской свиты. У Наташки всегда была мания величия, она не может просто иметь секретаря или прислугу, любит словом козырнуть. А ты не должна ходить голой по дому.

– Почему? – осмотрела себя Аглая.

– Это провокационно для любого женского тела после сорока. Если Наташка тебя такой увидит, будет истерика.

– Почему?

– Потому что все ее Флигели ей в сыновья годятся – молодые и красивые. Вроде тебя.

Аглая задумалась.

– Она меня побьет, если выйду голой?

– Нет, – Лукреция неопределенно махнула рукой, уронив при этом пепел на простыню. – Но пальнуть в раздражении может.

Наша Таша привезла с собой коробку с деликатесами. Стол не накрывали – вывалили упаковки и ели с разделочной доски нарезанную рыбу и колбасу. Ладова кивнула Смирновской на яркую колбасную этикетку. Они улыбнулись друг другу, как близкие люди, вспомнившие смешные словечки выросшего рядом ребенка – в двенадцать лет Лайка радостно объявила, раскрыв пакет со спецпайком: «Тут ваша *са-ля-ми* лежит, вот она какова!»

Аглая запустила палец в банку с черной икрой и потом засунула его в рот, облизывая. Флигель, который... секретарь, поспешно отвел при этом от нее глаза и сглотнул напряжение.

– Что обмываем? – Лукреция разливала коньяк по рюмочкам.

Наша Таша закрыла рукой две рюмки, не давая их наполнить.

– Мой адъютант за рулем, и Лайке не наливай, мы едем прогуляться, – она тронула своей рюмкой рюмку Лукреции. – Обмывать пока нечего, но намек был, что в отставку генералом уйду.

– Ого!.. – удивилась Лукреция.

– Вот такое «ого», – уныло кивнула Ладова. – Все в ступоре. С июля у нас новый директор, самой Службы контрразведки больше нет, Степашина сняли. Министерства безопасности тоже не существует – объединили всех в Службу Безопасности. И я, офицер контрразведки теперь сталкиваюсь на каждом этаже с министерскими крысами, которые первыми получили новые удостоверения ФСБ! Мой отдел в панике – то ли не дают удостоверения, потому что всех пнут под зад, то ли решают, кого повесить перед отставкой.

– Это ты меня называешь министерской крысой? – прищурилась Лукреция.

– Назвала бы, не будь ты бывшей крысой. Отпустишь дочку?

– Я еду прогуляться? – оживилась Аглая. – Куда?

– Магазин, сберкасса, почта, кафе-мороженое. Такая вот учебная программа. Запоздальный подарок ко дню рождения, – Наша Таша подмигнула опешившей Лукреции. – За мой счет. Пусть потратит на то, что сама выберет.

И протянула Аглае пачку денег. Девушка растерянно посмотрела на мать.

– Возьми кошелек для денег и сумочку на полке в коридоре, – вздохнула Лукреция. – Паспорт свой, еще ручку возьми, чистую бумагу...

– И книжки оплаты за свет и газ, – добавила Наша Таша.

Когда усаживались в черный «мерседес», адъютант не заметил, как прищемил дверцей подол длинного платья Аглаи. Сел за руль и только тогда в зеркале увидел искаженное страхом лицо девушки. Пока адъютант выходил из машины, пока шел к задней дверце, Аглая, подвывая, дергала ткань изо всей силы и била ногой в спинку переднего сиденья. Полковник Ладова повернулась к ней успокоить словами, но сама онемела от маски смерти на бледном лице девушки. Ладова была человек военный и много повидавший, а тут оцепенела в растерянности. Невозможно было видеть предсмертный ужас на этом детском лице, не тронутым ни единой морщинкой реальности.

Адъютант открыл дверцу, схватил обе руки Аглаи и сильно сжал их, бормоча:

– Все хорошо, меня зовут Антон Раков... Я – Антон Раков, я вам помогу, все будет хорошо.

Судорожно вздохнув, девушка обессилено обмякла, лицо ее приняло всегдашнее отрешенное выражение без намека на эмоции. Ладова вышла из машины, вытерла пот с лица платком, посмотрела на небо и зашла за автомобиль, поманив к себе адъютанта. Убедившись, что Аглая сидит неподвижно, уложив голову на сиденье, полковник залепила Антону Ракову сильнейшую оплеуху. Адъютант устоял, потряс головой, дернувшейся при ударе, и посмотрел на Ладову удивленными темными глазами с длинными загнутыми ресницами. Наша Таша от такого взгляда сникла, прикусила губу и отошла.

Лукреция вышла на крыльцо, заметив заминку. Она видела пощечину и двинулась к машине, зная о внезапных припадках бешенства у Ладовой, которые обычно случались от ревности или от непослушания подчиненных – полковник не остановится после первого удара, пока не оттащишь. Но Наша Таша помахала ей рукой – все в порядке, и села в машину. И дочь проявилась бледным лицом за стеклом и тоже помахала. Размытого пятна прощальной ладони в черной машине среди сосновых стволов было достаточно, чтобы Лукреция от такой картинки из своего детства выпила как следует, когда вернулась в дом.

В Москве Наша Таша сказала, что сначала – дела, и потребовала остановиться «у сберкассы». Шоферу-адъютанту приказано было остаться в машине.

Аглая долго изучала бланки оплаты. Наша Таша ничего не говорила, только показала ей на заполненные ранее и проставила, где нужно, знаки вычитания и умножения. Аглая, наконец, освоила платежку за свет, произведя сначала вычитание цифр в столбик, потом умножение.

– Почему за газ столько платят? – спросила она, не найдя в платежке за газ, что можно вычесть и перемножить.

– Так постановило государство. Платишь за количество газовых приборов и метраж отапливаемой площади. Это понятно?

– Понятно... а как деньги дойдут до газодобытчиков?

– Все платят государству через сберкассу, а оно потом рассылает деньги кому надо.

– А сразу газодобытчикам и электрикам можно отправить по почте?

– Нельзя. – Наша Таша посмотрела на часы. – Как-нибудь я расскажу тебе о круговороте денег в государстве. А пока сосредоточься. Когда тебе исполнилось пятнадцать, мы с Лакрицей завели сберкнижку на твое имя. Подойди к окошку, где написано «вклады», проверь, сколько там денег. Они твои. Можешь снять, сколько захочешь – ты уже взрослый человек. Я подожду в машине.

И вышла, прежде чем Аглая успела испугаться.

На почте Аглая должна была купить конверт, написать письмо и отправить его.

– Кому я могу написать письмо? – удивилась Аглая.

– А кому бы ты хотела?

Подумав, Аглая сказала, что хотела бы написать отцу, но не знает, где он живет, и жив ли вообще человек по имени Добрыня Никитович. Наша Таша заметалась глазами по тусклому помещению с тошнотворным запахом нагретого клея, которым полная женщина в рабочем комбинезоне сноровисто смазывала коричневую бумагу бандеролей.

– Ты пиши, а я тебе адрес скажу. Пиши, я не буду читать, не волнуйся.

«Здравствуй, Добрыня, – написала Аглая. – У тебя есть дочь, ей уже восемнадцать раз дарили по маленькому прозрачному камушку. Она хранит их в яйце. Яйцо стоит на подставке, оно открывается и очень красивое – зеленое с крошечной золотой птичкой наверху. Какого цвета твои глаза и волосы?»

Рассмотрев конверт, в строчке «кому», Аглая написала «моему отцу Добрыне». Наша Таша сказала, что нужно обязательно добавить отчество и фамилию – Никитовичу Васнецову. Еле поместилось. С обратным адресом тоже все оказалось просто – оказывается, его можно посмотреть в паспорте, где прописка. Остались незаполненные три строчки «куда». Аглая застыла над ними, ничего не спрашивая и не глядя на женщину рядом. Наша Таша подумала-подумала, подвинула конверт к себе и заполнила их быстрым неряшливым почерком. Название переулка, номер дома и какой-то «отдел русской живописи».

Аглая не поверила, что полоску на треугольнике конверта нужно облизать для заклейки. Думала, что Таша шутит.

Магазины выбирала полковник Ладова. Дорогой бутик женского белья, «Москву» на Ленинском с одеждой и Елисейевский на Горького с едой. После Ленинского полностью переодетая в новое Аглая, устав от обилия впечатлений, отключилась в машине. Уснула на заднем сидении с полуоткрытым ртом и смело расставленными коленками из задравшейся короткой юбки. На Горького у входа в магазин юркий мужичок исхитрился несколько раз клацнуть фотоаппаратом и всучить потом вялой после короткого сна Аглае свою визитку. Флигель бросился из машины, но мужичка уже след простыл. Аглая повертела картонку и вопросительно посмотрела на полковника Наташу. Наша Таша прочла, что там написано, и улыбнулась.

– Тебе пригласили в модельное агентство.

– Зачем? – спросила Аглая.

– Чтобы фотографировать раздетой и предлагать для разврата богатым мужикам.

Аглая задумалась.

– Это такая работа для женщин?

– Не для всех, – опять улыбнулась полковник Наташа и игриво толкнула плечом застывшего возле них Флигеля.

Он стоял с непроницаемым лицом и красной левой щекой, застыв глазами где-то поверх голов прохожих. После магазина женского белья, в котором полковник заставила его оценивать примеряемые Аглаей вещи, молодой офицер боялся смотреть на девушку, чтобы не навредить себе еще больше.

– Ладно, стойкий оловянный солдатик, вези нас обратно на дачу. – Устало махнула рукой полковник. – Жратвы и там навалом, а в магазине очереди – не протолкнуться.

Вечером пили кофе с коньяком в кухне-столовой. Адъютанту коньяка не дали, он набрал в тарелку еды и ушел в комнату для гостей смотреть фильмы по видику. Полковник Наташа

сказала, что в конце проведенного урока ученице позволено задавать вопросы, чтобы закрепить материал. Аглая недолго думала:

– Почему вы ударили вашего адъютанта? Я видела тогда... в зеркале. Ведь он меня спас. Наша Таша посмотрела перед собой тяжелым взглядом.

– Потому что разгильдяй!.. Прищемил твоё платье дверцей.

– Платье? – удивилась Лукреция. – А я подумала, что ты...

– А не надо думать! – повысила голос Ладова. – Тебе, майор в отставке Смирновская, по чину не положено думать в присутствии полковника!

Аглая и бровью не повела. Отхлебнула из чашки и спрашивает:

– Вы кричите, потому что ваш адъютант видел меня голой?

Тут уж Лукреция вскочила, а полковник Ладова стукнула по столу кулаком и крикнула «Сидеть!»

Лукреция села.

– Где – голой?.. Почему голой? – спросила она, стиснув под столом руки.

– Ну почти голой, – уточнила Аглая. – Я лифчик и комбинацию в магазине примеряла, а Наташа пригласила посмотреть своего адъютанта. Сказала, что в этом деле мужской взгляд нужен.

Лукреция кивнула все еще в ступоре, потом посмотрела на Ладова в озарении. Полковник в ответ на ее взгляд многозначительно подняла брови.

– Вот именно! Кто еще о моей крестнице так позаботится? Или собираешься всю жизнь ее возле себя сиделкой гнобить?

– Сколько ему лет? – спросила Лукреция.

– Двадцать шесть. Закончил приборостроительный техникум с красным дипломом и пошел в военное училище. По окончании болтался полгода в информационном центре Минобороны, оттуда я его и выдернула, пока не заплесневел. Завербовала, так сказать, на счет «три». Сейчас учит языки и юриспруденцию на заочном в университете. В Службе числится в десятке лучших оперативников. И это при абсолютно беспогонных родителях.

– Откуда он?

– Смоленский. Думала, я тебе выкидыша мегаполисного предложу? С этим мальчиком никогда не будет проблем. И рост – метр девяносто два, что немаловажно для нашей дылды.

Лукреция кивнула, теребя скатерть.

– И ты... с ним?..

– Конечно, было!.. – хохотнула Ладова. – Я не подсуну Лайке неопробованный материал – за свои подарки отвечаю. Считай, что знак качества высшей пробы поставлен.

Лукреция посмотрела на дочь. Аглая ответила ей взглядом сильно объевшегося ребенка, которому скучно за столом со взрослыми.

– Она же еще ничего не понимает! – с досадой вздохнула Лукреция.

– А куда торопиться? Когда-нибудь и у нее тяга к размножению проявится. Вон тело какое наливается. Если намекнуть мальчику на такие перспективы, он до сорока лет девку ждать будет. – Полковник откинулась на спинку стула, осмотрела стол, поковырялась ногтем в зубах и подмигнула Аглае.

– Ну? Еще вопросы будут? Поняла, почему я ему залепила?

– Поняла, – Аглая потупилась.

Лукреция и Ладова переглянулись.

– Ну и чего ты поняла? – спросила Ладова снисходительно.

– Вы решили вашего адъютанта отдать нам с мамой, но вам самой его хочется, вот вы и сердитесь.

Обществоведение

Ладова застыла, внимательно глядя в лицо девушки. Лукреция открыла было рот, но решила ограничиться улыбкой. Аглая смотрела спокойно и кротко, глаза Ладовой потеплели. Она встала, переместилась на диван. Развалившись без стеснения, постучала себя по ноге. Аглая подошла и села рядом с диваном на пол.

– Любишь тетю Ташу?

– Люблю, – серьезно, без эмоций ответила Аглая.

– Тогда целуй сюда.

Девушка потянулась и прикоснулась губами к напудренной щеке.

– У меня есть еще полчаса. – Ладова затащила косу Аглаи на диван и щекотала ее кончиком себе подбородок. – Если не засну, конечно. Тогда уж не кантуйте, оставьте здесь. Хорошо день провела?

– Хорошо. Только... странно все. Почему я не живу на улицах и в магазинах, как эти люди?

– Потому что ты умственно отсталая на радость матери. Всем бы таких дочерей.

– А где вы с мамой берете деньги, чтобы бывать во всех этих местах?

– Ах да!.. Деньги. – Ладова села. – Я помню, обещала урок. Вот мы с твоей матерью, к примеру, делаем важную работу для государства, оно нам платит зарплату, а потом и пенсию... Черт, выпила много, а завтра важное заседание. Откуда государство берет деньги? Конкретно наше – продает свои полезные ископаемые. А людям выдает за работу бумажки, рассчитанные для прожиточного минимума. Так было не всегда. Древние, к примеру, богатством считали не условные бумажки, а драгоценные металлы, в основном – золото. А когда появились царства-государства, появилась надобность в казне. При царе до революции деньги России хранились в царской казне. После революции большевики рассовали их для надежности в зарубежные банки Европы. Когда у нас была революция?

– В 1917 году, у меня это записано в первой тетрадке по истории.

– А-а-атлично... – Ладова сдержала зевок.

– А что, в России тогда банок не было?

– Виновата, – хихикнула полковник. – Уточняю для ясности. После этой революции Ленин с Троцким, Зиновьевым и дедушкой нашим Дзержинским для спокойствия власти раскидали казну в сберкассы других стран на сохранение. Вроде как это их собственность стала, как твоя сберкнижка, понимаешь? Почему? Они боялись, что пролетят как фанера над Парижем. Да... В Советском Союзе деньгами государства заведовал ЦК, он-то предпочитал металл и в больших слитках. А жителям великой страны государство платило прожиточный минимум, чтобы они могли пойти в магазины и этот самый минимум продуктов и вещей там купить. А потом колумбийцы Яшка и Кул развалили всю эту социалистическую систему, и народ наш русский дремучий попер в капитализм.

– Колумбийцы из страны Колумбии? – спросила Аглая.

– Наши. Родные. Контора завербовала их студентами и отправила на стажировку в Америку в Колумбийский университет. Вернулись они, считай, агентами ЦРУ. Тогда всех, кто хотел свободы и гласности, считали американскими шпионами. Но устроить реальные перемены удалось, только когда Яшка стал близким другом секретаря ЦК партии по сельскому хозяйству, и этот самый специалист по колхозам... стал президентом и в знак полнейшего братания с заграницей развалил Берлинскую стену, представляешь? – Ладова посмотрела на девушку и тяжело вздохнула. – Согласна, это трудно представить, да и не важно уже для твоего поколения.

– Наташа сильно преувеличивает, – заметила Лукреция. – Конечно, Яков имел большое влияние на будущего президента СССР. Но и прежняя социалистическая система управления была обречена после резкого падения цен на нефть в 1986-ом году.

– А вот не надо заморачивать девочке голову экономическими основами существования нашей многострадальной Родины. Как будто сейчас она не зависит от этих цен. К тому же – кофе остынет. Тащи. – Ладова посмотрела на Аглаю, нахмурилась и уточнила: – О чем это мы?..

– ЦК хранил металл в больших слитках, а народ наш русский дремучий попер в капитализм, – отгаторила Аглая.

– Правильно!.. – удивилась Ладова. – Хорошая у тебя память. Главное, все непонятное отсеивает.

– А народ не хотел пойти в казну и разобрать себе металл?

– А стража на что? – Ладова потрепала девушку по голове и встала. – Спецслужба стратегической разведки! Беречь и охранять! Так, стражник Смирновская? – крикнула она вошедшей Лукреции.

Та чуть не уронила поднос с кофейными чашками.

– Так точно, стражник Ладова, – уныло пробормотала она, унося поднос обратно в кухню, чтобы слить из него кофе.

Полковник Наташа взяла свою сумочку, подошла к зеркалу и занялась косметикой, заметив между делом:

– Честно говоря, после девяносто первого охранять стало нечего. Как я уже сказала, Яшка с генералом Кулом все перестроили, и – как в семнадцатом – пришлось распахивать деньги в разные места, и они, естественно, непостижимым образом исчезли.

Наша Таша слепила губы, потом выпятила их, изобразив себе в зеркале поцелуйчик.

– И золото? – спросила Аглая.

– Нет. Золото никуда не исчезает. Это металл, его из земли достают, в землю закапывают, и оно всегда где-то есть, и из-за него всегда гибнут люди. Такова, как говорится... что?

– Са-ля-ми! – отрапортовала Аглая.

– А-а-бажаю твои детские перлы! – Ладова послала поцелуйчик и ей.

Прощание профессора (кое-что об уроках русского языка)

Осенью, в середине сентября зашел профессор Ционовский. Сказал, что попрощаться. Лукреция накрыла стол, но Ционовский попросил только чаю из нарезанных веток черной смородины. Аглая, зная об этом пристрастии учителя, пошла за дом к ягодным кустам, и сама на старом пне покрошила ветки топориком.

Профессор, худой и весь какой-то изломанный телом в самых неожиданных местах, устроился в большом кресле, которое не убрали с террасы после Крэзи-боя. Из кресла в результате торчал набор выступающих остро костей, массивная косматая голова и странно расположенные конечности – Лукреция так и не поняла, сколько раз он переплел ноги в войлочных ботах, и где какая коленка у него после этого оказалась под тяжестью огромных высохших ладоней.

– Я, собственно, к вам, Лукреция, – кивнул Ционовский.

– Простите, профессор, может быть, ложечку черной икры, а?

Ционовский надолго задумался, глядя в пол и чуть шевеля кустистыми белыми бровями, потом кивнул:

– Пожалуй.

Лукреция ушла в дом и быстренько загрузила на поднос салфетку, На салфетку – серебряную ложечку, рядом – початую баночку икры и пару кусочков булки. Профессор, пристально рассмотрев все это, поднял длиннющий указательный палец с неухоженным ногтем и многозначительно произнес:

– Одну!

И открыл рот в ожидании.

Нескольких секунд растерянности. Лукреция набрала ложку и заложила ее в открытый рот Ционовского. Он долго разбирался с икрой, шевеля челюстями и причмокивая, потом сказал «благодарствую».

Аглая принесла чайник с ветками смородины в кипятке. Села за стол и продолжила делать записи в тетрадке «Обществоведение». Записи делались уже второй день после отъезда Ладовой, с утра до вечера, потому что писать приходилось по памяти, а такое в практике учебных занятий Аглаи случалось редко.

– Я пришел поговорить именно с вами. Так сказать, попрощаться, – обратился Ционовский к Лукреции. – И мне есть что сказать. Когда я увидел девочку в первый раз, она была животным. Не буду извиняться. Она не была растением, как вы мне тогда сказали, она была зверьком с минимальным набором инстинктов. Аутизм сам по себе имеет разные формы, но после нескольких занятий я понял, что Аглая обучаема, и выстроил впоследствии восемь лет прекрасных отношений с вашей дочерью. Она научила меня распознавать состояние души по жестам и выражению глаз. С нею я осознал никчемность бесконечных разговоров, которыми так грешат образованные люди.

Лукреция покосилась на дочь. Девушка сосредоточенно склонилась над тетрадкой.

– Если у Аглаи и был аутизм, – продолжил Ционовский, – то я горд, что оказался доверительным лицом при контакте этой девочки с миром вне ее тела. Иногда она меня сильно озадачивала. В восемьдесят девятом я даже провел урок со студентами на тему нераспознавания языковых понятий. Удивлены? А как я был удивлен ее реакцией на стихотворение! Смотрите сами. Мы читали Есенина. «Ты меня не любишь, не жалеешь, неужели я немного не красив?...» – профессор манерно изобразил перед своим лицом вензель, потом задумался и вытер той же рукой каплю под носом. – Читал, конечно, я, поскольку именно в 12 лет мы обучались

знакам препинания и правильности их выделения речью. Ваша дочь первый раз задала мне тогда вопрос. Ведь до этого – ни разу, ни о чем! Она спросила: – «Он думает, что некрасивый? Поэтому его не любят?» Понимаете разницу?

Луcreция ничего не поняла, поэтому поспешно встала, налила из чайника с веточками горячую желтую жидкость и подвинула чашку к профессору.

– Я говорю, нет же, он знает, что красив, он кокетничает! – возбудился Ционовский, – И тут понимаю, что девочка права! Эта фраза на слух, без визуального восприятия звучит двояко, и ребенок сразу нашел другой вариант! «Неужели я в чем-то некрасив?» А? Или так: «Я знаю, что хоть немного, но красив».

– Поняла! – с облегчением улыбнулась хозяйка. – Я тоже в такое влипала с Лайкой. Если ее спрашивали: «Не хочешь яблочка?», она говорила «да», в смысле, что совсем не хочет, а ей уже... яблоко давали, – сбилась Луcreция.

После таких объяснений Ционовский сник, и некоторое время – только его тяжелое дыхание и тихий шепот Аглаи, и шум ветра в высоких соснах. Потом профессор пошевелился, отхлебнул чай и, совсем обессилив после своего возбужденного объяснения, тихо заговорил:

– Я пришел поделиться своими соображениями на прощание. Я много читал об аутизме. Как вы уже сами поняли, ваша дочь – дурочка.

– Что?.. – опешила Луcreция.

– Дурочка, – проникновенно произнес Ционовский. – Вариант умственно отсталого деревенского дурачка, не осознающего стыда и притворства. Она контактна, частично обучаемая, сама себя обслуживает, но требует присмотра и никогда не сможет вникнуть в суть некоторых вещей. Последний год я всерьез стал задумываться, а нужны ли человечеству эти вещи? Знаете, почему?

– Нет... – замотала головой Луcreция, стараясь подавить в себе раздражение после «дурочки».

– Сколько открытий я мог бы сделать, отстранившись полностью от некоторых жизненных необходимостей и навязанных условностей! – мечтательно заметил он. – Ваша дочь обязательно талантлива, но в чем-то одном, поэтому остальные способности атрофированы. Невероятно талантлива, только это еще не проявилось, она еще... даже не куколка. Кстати! – встрепенулся профессор, – сказал о куколке и вспомнил... Вашей дочери нравится убивать. – Он помолчал, рассматривая что-то в саду, и опять встрепенулся: – Да, вспомнил – вы ведь работали в органах, если не ошибаюсь?

– А это здесь при чем? – вздрогнула Луcreция.

– Это ни при чем, это я о своем хотел... Вдруг стало казаться, что за мной следят. Странно, да? Когда был молод, часто говорил лишнее, но как-то списалось. А сейчас стал слышать шаги в доме, как будто кто-то ищет чего. Иногда слышу тихие разговоры, иногда гости двигают мебель. Хотел узнать, новые органы безопасности также повально следят за известными евреями, как и раньше?

Заметив растерянный взгляд Луcreции, Ционовский вздохнул:

– Ну, это я так, это уже не важно. Извините.

Он с трудом встал, несколько секунд устанавливал центр тяжести в перекосившемся теле, потом отпустил спинку кресла и осторожно двинулся к ступенькам. И – не поворачиваясь:

– Пусть Аглая меня проводит. Это ненадолго, я сделаю ей подарок.

Луcreция повесила Аглае на шею медальон с часиками, еще раз убедилась, что дочь правильно запомнила расположение большой и маленькой стрелки, когда нужно возвратиться домой, и смотрела потом из окна столовой, как дочка со стариком идут сквозь прореху в покосившемся заборе на участок Ционовского. Сам дом был ей не виден, но она помнила его – огромный, с причудливыми выступами и балконами, просто мечта привидений. Помнила и

небольшую пристройку, снаружи похожую на сарай, в которую старик переселился лет пять назад, не в силах больше одолевать высокую лестницу с резными перилами.

Парочка передвигалась медленно. Профессор не опирался на плечо Аглаи, как это делала она сама три года назад, подвернув ногу и используя потом дочь вместо костыля. Он просто позволял ей поддерживать себя под руку, пару раз убрал перед Лайкой мешавшие проходить ветки сирени, и Лукреция сразу простила ему «дурочку» и это идиотское «нравится убивать». Она вспомнила почему-то, как Лайка до тринадцати лет могла на уроке в присутствии Ционовского присесть тут же, рядом со столом по-большому, и профессор каждый раз спокойно потом переходил с ней в другую комнату, отмахиваясь от панических извинений матери: – «Ерунда, мы заигрались в слова, девочка просто забылась и не успела добежать до *клозета*.

Лукреция вдруг подумала, что Ционовский при большом размере тела (раньше он был тучен и вальяжен) совершенно не мешал своим присутствием. Уже через несколько минут после появления профессор странным образом становился незаметен в доме как родной старый шкаф, и – никаких советов, назиданий, замечаний. Проводил с Лайкой по пять часов подряд, и никогда ей не было так спокойно за дочь, как в эти пять часов по четвергам. С чего, спрашивается, он сегодня завелся?

Лайка опоздала на двенадцать минут, это было нормально, она частенько отвлекалась на всякую живность в траве и на деревьях, или на игры ветра с мелким мусором, и тогда застывала в созерцательном ступоре минут на десять. Дочка вбежала в дом и испугала Лукрецию. Такое выражение ее лица она видела только раз, когда Лайка обнаружила на трусиках кровь и пришла показать матери. Не испуг, не отвращение, а странное озарение было в лице дочери, как после познавательного шока.

– Что-то случилось? Что?.. Он тебя обидел?

– Нет, – Аглая установила дыхание после бега и посмотрела на свои ладони.

Тут Лукреция вспомнила о подарке и решила, что дочь его потеряла.

– Иди сюда, сядь, – она подвела дочь к дивану и усадила. – Что Ционовский? Он подарил тебе что-нибудь?

Аглая надолго задумалась. Потом так странно посмотрела в глаза матери, что та покрылась мурашками.

– Говори же!.. Что-то с профессором?

– Он сидит в кресле и спит... наверное. Сказал, что я не должна бояться смерти. Сказал, что я – самое прекрасное, что было в его жизни. Разве я живу *в его* жизни? Не в твоей?

Лукреция выдохнула и покачала головой.

– Старый маразматик. Ты живешь *в своей* жизни. А то, что ты красива... – Лукреция отвела глаза, – этого бояться надо, а не гордиться. Наверняка он имел в виду, что при общении с тобой узнал много нового о человеке вообще... Ладно! – она встрепенулась и тронула руку дочери. – Если не подарок, что тебя так удивило?

– Он сказал «на свете смерти нет», – Аглая выжидательно посмотрела на мать.

– Это все?.. – не удивилась Лукреция. – И что тут такого?

– «На свете смерти нет. Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо бояться смерти ни в семнадцать лет, ни в семьдесят». Представляешь? – с придыханием выдала Аглая.

– Ну сказал, и что с того?

Аглаю затрясло. Он стиснула руки и прошептала:

– «Мы все уже на берегу морском»!

– Лайка!.. – испугалась Лукреция. – Не надо так. Смотри на меня. Чего ты боишься?

– Я не боюсь, – прошептала Аглая, – я не понимаю, откуда он узнал, что загадал Крэзи-бой? Всё, что слушаю я, слушает меня! Видит то же, что и я! Нельзя говорить, нельзя смотреть, нельзя слушать!..

Она начала хлестать себя по щекам. Лукреция с трудом остановила ее руки.

– Подожди, не заводись. Быстренько принеси тетрадь и покажи мне стихотворение, которое загадал Крэзи-бой.

– Я должна понять...

– Лайка! Когда все непонятно и ужасно, начинай делать что-нибудь, и все образуется. Не сиди, не думай, а делай любое дело, что под руку попадет. Неси тетрадь.

Девушка быстро вернулась с толстой тетрадью.

– Вот, – она показала пальцем на красно-синее стихотворение. – Я нашла его за две недели. Называется «Жизнь, жизнь». Откуда учитель мог знать, что я его нашла?

Лукреция внимательно прочитала первые десять строчек. Посмотрела на дочь, решая, стоит ли делать успокаивающий укол. Аглая дышала часто, но ее ноги и руки не дергались.

– Пойми, многие люди знают стихотворения Тарковского наизусть. Профессор просто хотел тебе что-то сказать этими строчками, например, о смерти... – Лукреция посмотрела в окно. – А что он делал, когда ты уходила?

– Спал в кресле.

– Как это – спал?

– Он попросил дать ему чашку с настоем, я дала. Потом он попросил сесть рядом и взять его за руку. Я не люблю... Я не хотела трогать его руку, но он сказал, что это важно, что я все пойму, только если буду крепко держать его за руку. Я сидела, сидела... Он сказал, что я – самое прекрасное, что было в его жизни, прочитал стихи и заснул. Я еще сидела, сидела, думала, откуда он знает эти строчки? А потом уже стрелки вышли на мое время, я убежала.

– Старый одинокий человек, – вздохнула Лукреция.

– Нет. Там еще были люди.

– Какие люди? Где были?

– Люди были в доме. Они прятались за занавесками наверху. Я видела, когда сидела рядом с учителем, как они выглядывают в щелочки со второго этажа.

– Лайка, профессор совершенно одинок, он сам мне говорил.

– Несколько человек, – настаивала Аглая.

– Вы сидели в пристройке, а люди были в доме? – уточнила Лукреция.

– Они прятались.

– Ционовский сказал бы, что у него гости, – задумалась Лукреция. – А если не гости, как чужие проникли в дом?

– Просверлили замки и проникли. Ночью!.. Когда все спят.

– Ерунда какая-то, – пробормотала Лукреция, вставая. – Надеюсь, он не умер...

– Не умер.

– Как ты можешь это знать? – улыбнулась Лукреция дочери.

– Из него ничего не вытекло и не выдавилось.

– Ну что ты говоришь, только послушай!.. Это черт знает что такое. Я должна позвонить. Есть хочешь? На плите бульон и вареная курица.

Урок гигиены.

Лукреция позвонила Санитару. Трубку взяла его жена и, не интересуясь, кто звонит, выдала раздраженным автоответчиком: – «Паша с пейджером в море на резинке!» – и бросила трубку. Это означало, что Санитар рыбачит на озере в резиновой лодке, наверняка – в своем любимом месте с другой стороны Москвы.

Он добрался до Лукреции в Усково только в три ночи. До пяти просидели в гостиной у камина, Санитар был неразговорчив. Задал всего пару вопросов, суть которых сводилась к обсуждению способности Аглаи различать реальность и вымысел. В пять он попросил кофе, яичницу с колбасой, тосты с сыром и чего-нибудь сладенького. У Лукреции все валилось из рук. Коробка с тремя эклерами, например.

– Почему ты просто не сходила к профессору и не посмотрела, что с ним? – Санитар начал анализировать ситуацию за «сладеньким», которое пришлось есть ложкой. – Это нормально, вы же соседи!

– Я не могу. Если в доме действительно были посторонние, то это либо воры, либо...

Она замолчала, закрыв глаза.

– Ладно, – Санитар Паша встал. – Светает. Пойдем осмотримся, что там за «либо» такое.

Он достал из рюкзака «спецодежду» и за пару минут упаковался. Прорезиненный комбинезон с капюшоном, смешно стянувший тугой завязкой его отвисшие щеки и двойной подбородок, кеды с бахилами, перчатки, небольшой бинокль, фонарик, армейский нож и набор отмычек. Лукреция надела лыжный костюм и достала из письменного стола ключи.

– Не-а! – покачал головой Санитар Паша, когда она двинулась к небольшому сейфу. – Никакого оружия.

– А если там...

– Остаешься на улице. Если не проявляюсь через сорок минут, идешь домой, звонишь моей жене, пусть поднимает гвардию.

На улице Лукреция не смогла сдержать улыбку: Санитар в кустах у забора выглядел огромной неповоротливой гусеницей. Милый безотказный Паша, а ведь ему уже шестьдесят один!..

Минуты три постояли, осматриваясь. Прошли на участок профессора. Присели на сваленных когда-то бревнах, заросших малиной. Санитар сантиметр за сантиметром осматривал в бинокль многочисленные окна большого дома, когда Лукреция вздрогнула и тронула его за руку.

Из открывшейся двери вышел молодой мужчина, осмотрелся, спустился по лестнице вниз и пошел в клочьях тумана за дом к главному входу. Через минуту они услышали звук отъезжающей машины.

Санитар увидел выражение лица Лукреции и спросил:

– Ты его знаешь?

– Это Флигель, офицерик Наташкин. Ничего не понимаю!.. – выдохнула Лукреция.

– Наташкин? Тогда дом отменяется. Пошли к дороге, осмотрим следы, – он с облегчением стянул с головы капюшон.

К дороге вышли через участок Лукреции. Санитар показал ей следы от трех автомобилей, самый свежий из которых проехался по двум предыдущим при повороте.

– Соответственно, это – его шины. Вот мой жигуль развернулся к твоему въезду. А это... Это еще одна машина, до него. Вот черт! – Санитар раздосадовано натянул капюшон.

– Что? – забеспокоилась Лукреция.

– Все плохо. Лайка ничего не придумала. Вчера тут была еще одна машина. Иди домой, я должен осмотреть пристройку.

- Но как же?..
- Сколько тебе лет, Лакрица? – вдруг спросил Паша.
- Пять-ть-десят один, – стучит зубами Лукреция.
- Не трусь, ты еще молодая.
- Я не трушу, я замерзла, и ноги промокли до колен – траву покосить некому!

Через полчаса Санитар вернулся. Лукреция курила у плиты, помешивая кипящую овсянку. Она знала – Санитар ничего не скажет, пока не разденется и не упакует свое снаряжение. Не отходя от плиты и не поворачиваясь, Лукреция приоткрыла ногой дверцу под раковиной, чтобы Санитар забросил в мусорное ведро бахилы.

- Кому ты варишь кашу? – спросил он.
- Лайке. Ее домработница приучила к каше по утрам и кефирчику на ночь.
- А где сейчас Туся? – Санитар выбрал себе тарелку и протянул ее Лукреции.
- Не знаю точно.
- Найди ее и пригласи сюда пожить.

Лукреция застыла с половником над его тарелкой. Санитар отобрал половник, тарелку, и сам налил жидкой каши. Сел за стол, выбрал самый большой ломоть хлеба и начал есть, обжигаясь.

- Он мертв? – спросила Лукреция.
- Мертвый. Сидит в кресле под пледом. Никаких следов насилия. В пристройке что-то искали.
- Может, Лайка порылась, он ей подарок обещал?..
- Не думаю. Искали в основном в бумагах, в коробках с книгами, на кухне в столе. Пригласи Тусю.

- При чем тут Туся? – Лукреция сжала виски пальцами. – Зачем ее приглашать?
- На всякий случай. Чтобы Лайка не осталась одна, если что...
- Если что?! – повысила голос Лукреция.
- Офицерик-то – Наташкин! – многозначительно заметил Санитар.

В кухню вошла Аглая. Она напевала и иногда подпрыгивала в такт:

– «Вслед за императором едут генералы – генералы свиты. Славою увиты, шрамами покрыты, только не убиты. Следом – дуэлянты, *флигель-адъютанты*, – после этих слов Аглая многозначительно подняла указательный палец вверх, – блещут эполеты. Все они красавцы, все они таланты, все они – поэты... все они – поэты...» (*Окуджава*) Я нашла! Я нашла это слово по радио, только что. Дядя Паша, кто такие дуэлянты? Где у них эпо-ле-ты?

- Она у тебя еще и поет, – мрачно заметил Санитар.
- Сама первый раз слышу, – удивилась Лукреция.
- Я могу петь стихи! – констатировала Аглая.
- Не надо, – покачал головой Санитар. – Поешь и принеси тетрадку.

«Тетрадь № 1 по гигиене Аглаи Смирновской»

– Номера два не будет, – сказал Санитар, листая странички тонкой тетради. – Уместимся в одной. На чем мы остановились, помнишь?

– Отбеливатель – лучшее средство для уничтожения пятен крови при зачистке помещения, – зачитала Аглая. – Качественной и быстрой зачисткой может быть возгорание направленного действия при отсутствии в уничтожаемом биологическом материале металлических составляющих, как то: пуль в теле, индивидуальных суставных протезов, титановых черепных пластин...

– Достаточно!.. – замотал головой Санитар. – Сегодня поговорим о способах выживания в непредвиденных обстоятельствах, как то: длительное местонахождение в местах, далеких

от цивилизации. В походных условиях речную воду для питья можно обеззараживать, поместив в сосуд с такой водой ветки черемухи. Я сюда как раз с рыбалки, хорошо у воды... А когда мотал срок – это не надо писать, я скажу, когда надо – мы на прииске в казаны, где варился кулеш, запускали собак. Собаки все вылизывали начисто, никакого мытья не требовалось. Запиши: собаки в составе своей слюны имеют антисептик, который обеззараживает. Собаке можно дать полизать рану, если ничего другого для обработки нет поблизости. Вот еще вспомнил. В восемьдесят шестом наша группа аварийно приземлилась в лесу, вертолет сдох. Ничего, все выжили, до Москвы – 40 километров – пришлось идти пешком и первый день – лесом. Потому как нас искали и в электричках, и в автобусах, и на дорогах посты. А мы трое – я, да две бабы – в полной боевой экипировке, такая вот группа зачистки спецподразделения «Зет», да-а-а... Если бы не этот балласт, хрен бы меня конторщики нашли и арестовали. К чему это я?.. Да, одна из баб с месячными была. Ты ведь уже знаешь, что это такое?

Аглая кивнула.

– Так вот. Она себе мох подкладывала. Запиши. При отсутствии хлопкового материала в походных условиях можно воспользоваться мхом, лучше живым, но сухой тоже сойдет. Мох хорошо впитывает кровь и в некотором роде антисептирует. И на раны его можно прикладывать под повязку. – Санитар тоскливо посмотрел в окно. – Что-то я сегодня все о природе, да о природе. Вернусь, пожалуй, на озеро.

Луcretия бежала за ним до машины.

– Что мне делать – сообщить о профессоре?

– Найди Тусю, пусть она поживет у тебя.

– Ты хочешь, чтобы я послала Тусю к профессору, и она его обнаружила?

Санитар уселся в автомобиль, завел мотор и посмотрел на нее с тяжелой грустью.

– Лайке нельзя оставаться одной. Обнаружь профессора сама, только подготовься перед этим.

– Как подготовиться?!

– Просмотри свои бумаги, чтобы не нашли ничего лишнего.

– Кто?!

Санитар помотал головой.

– Знаешь, Лакрица, я всегда считал тебя слабым звеном. Столько лет служила, а так и не привыкла к дисциплине. Заповедь номер четыре для отставных конторщиков: если на гражданке рядом с тобой труп, готовься к неприятностям. Готова?

– Всегда готова... – отцепилась от машины Луcretия.

Возвращение домработницы

Луcretия послушалась и позвонила Туся.

– У племянницы ребенок в школу пошел, – зевнула Таисия в трубку. – Поэтому я теперь сплю до обеда, потом хожу по театрам или в бассейн. Вот такое существование. Без хлорки уже заплесневела бы.

– Приезжай, я тебя развлеку, – пообещала Луcretия.

– Предложение, конечно, заманчивое. Вперед – в прошлое, да?.. Если за двоими убирать, я согласна. А если как раньше – каждые выходные по пять-шесть человек в гости...

– После твоего ухода мы больше не собираемся вместе.

– Ну ладно, посмотрим... Шмотки у тебя мои еще остались, во что переодеться?

– Туся, ты всегда носила мои шмотки. Бери такси и приезжай.

Увидев Аглаю, Туся бросила на землю чемоданчик и застыла лицом:

– Ни хрена себе *выросло!* Как это могло случиться? И сиськи, вы только подумайте!.. А я как дура тебе в подарочек... вот... Твое любимое.

Она вытащила из кармана красного карамельного петушка на палочке, запеленатого в целлофан. Лайка взяла его и прижала к щеке, закрыв глаза – проявление крайней степени радости.

– Веди к шкафу, – сказала Туся Луcretии.

Они поднялись на второй этаж, Туся с грустной улыбочкой осмотрела свою бывшую комнату, кровать, канapé у окна, трюмо с пузырьками и баночками.

– Надо же, – заметила она с дрожью в голосе, – духи мои до сих пор...

Луcretия открыла створки гардероба:

– Я как чувствовала, ничего не отдавала и не выбрасывала. Бери себе, что хочешь. Мне в эти вещи уже не влезть.

– Да уж вижу, – с участливым злорадством заметила Туся, ощупывая тесно висящую одежду, и вдруг вскрикнула с ужасом: – И шубку норковую? Ну, Лушка, лучше сразу скажи, что я должна делать за такое.

– Ничего особенного, – отвела глаза Луcretия. – Пойдем в кухню, все оговорим.

– Давай лучше здесь оговорим, – Туся села на кровать. – Я буду на шкаф смотреть и лишний раз обиду в себе замну.

– Да, собственно... – Смрновская пожалла плечами. – Это ты говори, что тебе нужно.

– Мне нужно как раньше, чтобы без этикетов всяких, – с готовностью начала перечислять Туся. – Если я вижу несправедливость, должна ее обнародовать. Если надо чего щепетильного сделать, говори прямо и открыто, без намеков, чтобы я потом душой себя не чувствовала. Можем сейчас и попробовать. Говори, что у вас случилось? Почему ты как поленом шарахнутая?..

Туся частенько и с удовольствием переходила на простонародную речь после того, как в течение пяти лет читала девочке Аглае сказки и объясняла потом смысл происходящих в них кошмаров.

Луcretию ее навязчивая простота в речи никогда не обманывала, а вот посторонних быстро расслабляла до необходимой стадии болтливости. Когда Туся не была заинтересована в собеседнике, могла отшить с интеллигентной строгостью на английском и латыни, а могла и матом. Она всегда была не просто домработница, хотя называла себя, особенно при посторонних, именно так, а еще – с мазохистской дотошностью – приживалкой. Туся действительно прижилась в доме до степени невыносимого родства. Этакая вездесущая палочка-выручалочка

со своими устоявшимися понятиями о справедливости и поведением главы семьи. Странно, но сейчас Лукреция обрадовалась присутствию именно такого человека.

– Профессор Ционовский вчера с утра приходил попрощаться. Лайка пошла его проводить. Он говорил ей странные вещи, что-то о смерти...

– Так пошли посмотрим, жив ли еще этот старый пердун! – подхватила с кровати Туся.

Это означало, что она согласилась работать. Вернее, жить с ними, защищать, опекать и любить, решать все проблемы и бороться за чистоту в доме и справедливость в жизни.

К Ционовскому пошли втроем. Первой шла Смирновская. Аглая с торчащей изо рта палочкой от леденца замыкала шествие. Туся решительно поднялась по лестнице в дом.

– Он уже давно живет в пристройке – ноги ослабели, – попыталась остановить ее Лукреция.

– Так я же этого не знаю! – с боевым задором объявила Туся. – Позвоню в дверь, постучу, а ну, как и выйдет кто?

Звонила, стучала – никто не вышел. И тут к изумлению Лукреции Туся, покопавшись в кармане пиджака, достала ключ и решительно вставила его в замочную скважину. Уже и дверь открыла, и шагнула внутрь, громко крича:

– Профессор, вы дома?

А Лукреция все никак не могла решить, что делать – тащить ее вниз или втроем осмотреть дом. Она осталась внизу – Аглаю вести в дом не хотелось и оставлять одну на улице тоже – вдруг зайдет в пристройку.

Тусе хватило пяти минут. Она спустилась со скучным лицом.

– Откуда ключ? – спросила Лукреция.

– Профессор дал. Давно еще.

Туся практически никогда не врала, по крайней мере, родным людям, о чем частенько заявляла. А если не хотела что-то говорить, ограничивалась односложными ответами и отстраненным взглядом куда-то за горизонт – как сейчас.

Аглая уже открывала дверь в пристройку. Лукреция поспешила и задержала ее, чтобы войти первой. Ционовский сидел в кресле, опустив голову на грудь и свесив левую руку до пола. Лукреция взяла эту руку и кивнула сама себе: профессор был мертв. Туся тоже склонилась над стариком, потрогала его плечо, отчего тело слегка накренилось, и буднично заметила:

– Помер.

Лукреция посмотрела на дочь. От важности момента Аглая вытащила изо рта сосалку, и истаявший остов петушка полыхнул красным огоньком в ее руке, поймав закатный лучик через небольшое окно. Девушка смотрела на мертвое тело спокойно, близко не подходила. Лукреция раздвинула пошире занавески на окошке. Осторожно приподняла голову старика за подбородок, осмотрела его рот и внутренность нижнего века. Наклонившись, изучила ногти на руке. Повернулась к дочери:

– Где чашка, из которой он пил?

Аглая показала. Большая кружка с остатками жидкости стояла на столе рядом с креслом. Туся обошла тесное помещение и со вздохом констатировала:

– Одни книги кругом. Даже стол из книг.

Тогда и Лукреция заметила, что стол представлял собой качественную дубовую столешницу, лежащую на стопках книг и папок. Она наклонилась над кружкой и понюхала ее содержимое.

– Кто будет звонить в милицию? – спросила Туся.

Около девяти вечера, уже в сумерках, к дому Ционовского приехала опергруппа. Невысокий суетливый мужчина средних лет представился Лукреции капитаном Хохловым и первым

делом спросил, заходила ли она в дом профессора, и как давно. Лукреция с чистым сердцем ответила, что у профессора бывала дважды, последний раз три года назад на его юбилей – 75 лет. Узнав, что Ционовский последние несколько лет живет в пристройке, и именно туда заходит иногда ее дочь, Хохлов тут же захотел побеседовать с Аглаей. Лукреция осадила его рвение, предъявив справку дочери с диагнозом «умственное отставание в развитии». Тогда капитан, даже не взглянув на документы хозяйки, попросил Лукрецию присутствовать при осмотре места происшествия и помочь «как коллега коллеге, так сказать...». И Лукреция поняла, что он подготовился к встрече – навел о ней справки.

Как Хохлов ни тужился, стараясь добиться от «коллеги» хоть чего-то внятного, Лукреция только поддакивала его версиям, не выдав ни одного предположения; да, похоже на отравление, действительно, у рта подсохло немного пены, нет, она понятия не имеет, при воздействии какого яда проявляется такой цвет ногтей. Капитан вел себя как слон в посудной лавке – то и дело натыкался на мебель. Уронил со стола карандаш и долго потом просидел под столом, скорчившись – рассматривал надписи на папках под столом. Выбрался, повертел карандаш перед лицом Лукреции и пожал плечами:

– Записки не находили? Если самоубийство, должна быть записка. Сами посудите, профессор приглашает вашу дочь – его ученицу – к себе. При ней засыпает в кресле, где его и нашли мертвым. Похоже на прощание. Он пил при ней из этой чашки?

Оперативник, отлив жидкость из чашки в пробирку, упаковывал ее.

– Да, – кивнула Лукреция. – Это похоже на прощание.

Наконец, санитарам разрешили вынести тело. Хохлов вышел следом и увидел Аглаю – та стояла под фонарем на лестнице в большой дом. Несколько секунд он смотрел на девушку в длинном платье с толстой русой косой на груди, облитой светом фонаря как золотом, потом развернулся к Лукреции, потеряв способность говорить:

– А-а-а-э-э?..

– Моя умственно отсталая дочь.

Капитан резко поменял свои планы. Он решил остаться и сегодня, а не завтра, как планировалось, взять показания у Лукреции Даниловны о посещении ее дома профессором накануне смерти. Узнав, что домработницы в тот момент не было, потерял к Тусе всякий интерес. Говорили в гостиной. Лукреция сидела на диване, Аглая – на полу возле нее, подвернув под себя ноги. Что ел, что пил профессор, о чем говорил, как выглядел... Узнав, что хозяйка сама лично засунула в рот Ционовскому ложку с икрой, Хохлов спросил – почему? Лукреция задумалась и не сразу нашла объяснение.

– Он открыл рот, не собираясь брать ложку в руки, старый человек...

Хохлов кивнул, наблюдая за шевелящимся по полу кончиком косы. Аглая это заметила и стала специально водить головой из стороны в сторону.

– Ну, детка, не играйся, не играйся, – подошла Туся и погладила ее по макушке. – Это тебе не котенок. Это котяра. Ишь, как у него глазки-то замаслились. Если прыгнет и уцепится, тогда уж не отпустит!

На следующий день в обед в дом Лукреции пришли с обыском. Она сразу же позвонила Бакенщику, тот имел связи в МВД.

– Я в курсе, – ответил он. – Меня спрашивал о тебе кое-кто из этого ведомства. В желудке профессора нашли черную икру, смородиновый настой и достаточно большую дозу яда. Не хотел тебе звонить, пока не выясню по своим связям, где и насколько легко этот яд можно раздобыть. Дело усложняется известностью твоего соседа. Он член-корреспондент Академии наук, хорошо известен за рубежом.

– А я – офицер госбезопасности в отставке. Кому и зачем нужно связать меня с его смертью?

– На эту тему я пока не думал. А есть повод волноваться? С чего бы тебе травить соседа профессора?

– Туся, положи трубку в столовой, я слышу, как ты дышишь, – сказала Лукреция.

– Таисия вернулась? – обрадовался Бакенщик. – Как ты ее уговорила?

Через минуту Туся вошла в спальню Лукреции и села рядом на кровать.

– Пустую банку от икры из мусорки выковыряли и в пакет поместили. Подписала показания, что я икру из этой банки вчера вечером самолично подъела, пока ты не видела. Ну как, хозяйка, – вздохнула она, – сухарей засушила?

– Ты что-то знаешь? – шепотом спросила Лукреция.

– Ну, в общем... у тебя был повод травить профессора, – шепотом ответила Туся. – Он на Лайку завещание написал.

– Какое завещание, не выдумывай!

– Не кричи. Еще при мне написал, я свидетелем была, когда к нему нотариус приезжал. Я знаю, где оно лежит, вчера проверила – на месте. А ты думала, зачем я к нему в дом полезла? Если бы ты предупредила, я бы его – того... уничтожила. А теперь уже поздно, они дом обыщут и найдут завещание. Вот тебе и мотив, и тюрьма с сумой.

Лукреция обхватила голову Туси и развернула к себе, чтобы – глаза в глаза.

– Смотри на меня. Я не убивала профессора. Не о чем было предупреждать.

– Ты знала, что он мертвый. Что будут проблемы. Поэтому и позвала меня. Пусти, – Таисия освободилась. – Лучше расскажи все, или опять из меня дуру сделать собираешься?

– Обещаю – все расскажу, когда пойму. Обещаю, что попрошу у тебя помощи.

– Правда, попросишь?

– Клянусь.

На следующий день Лукрецию задержали по подозрению в убийстве профессора Ционовского.

Урок выживания

Первый, кто пришел к ней в следственный изолятор был... флигель-адъютант Раков. Лукреция вздохнула было с облегчением – это Наташа прислала его сказать, что все уладит, но первые слова Ракова были «я здесь по собственной инициативе».

– Наталья Петровна за границей в отъезде на несколько дней, она ничего не знает, – поспешно объяснил Раков, заметив растерянность Смирновской.

– Так позвони ей и расскажи обо мне! Пусть посоветует адвоката!

– А, может, я пригожусь, Лукреция Даниловна?

Переждав, пока женщина придет в себя, Раков пояснил:

– Милиция еще раздумывает, стоил ли отдавать это дело федералам. Я через свое начальство попросил ознакомиться с бумагами. Давайте посмотрим, что мы имеем на данный момент.

Он сел за стол напротив Лукреции и открыл папку с единственным листком в ней.

– А кто твое начальство? – все еще не ориентировалась в происходящем Смирновская.

– Формально – начальник следственного отдела Службы безопасности, в котором я прохожу подготовку как стажер. А фактически... – Раков замаялся, – сами знаете, кто. Итак. Основания для ареста: содержание желудка умершего профессора и его завещание в пользу вашей дочери, опекуном которой вы являетесь. В желудке – яд, икра и смородиновый чай. Икру и чай, с ваших же слов, профессор употребил у вас в гостях. Это все, как видите. Для милиции достаточно, чтобы быстро отчитаться о проведенном расследовании. Для передачи дела федеральной Службе зацепок маловато, мотив ничтожен, но вы – офицер госбезопасности в отставке, для злопыхателей есть возможность тщательно поковыряться в вашем прошлом и попробовать связать его с прошлым Ционовского, который в шестидесятых подозревался Конторой в связях с ЦРУ.

Раков посмотрел в бумажку и заметил:

– Правда, это было по доносу, сведения не подтвердились, но в те годы любой донос считался документом, и дело завели.

Он закрыл папку и сложил на ней ладони, переплетя пальцы.

– И что ты... можешь?.. – кое-как справилась с удивлением Лукреция.

– С хорошим адвокатом при частичном признании вины можем добиться вашего выхода до суда под подписку о невыезде. Это проще и всегда действует, а на суде адвокат отобьет все обвинения без проблем.

– Частичное признание?.. – задыхнулась от негодования Смирновская. – Суд?! Это все, что ты можешь предложить?

– Конечно, нет. Я могу доказать, что профессор покончил с собой. А могу ничего не делать и слить в прессу материал об аресте офицера госбезопасности в отставке по делу смерти известного профессора. Вам выбирать.

Лукреция в замешательстве обшарила глазами лицо молодого человека. Раков смотрел на нее открыто и дружелюбно. Потом она сантиметр за сантиметром осмотрела его руки. Раков заметил это, протянул руки и перевернул их, демонстрируя ладони. По четыре мозоли на каждой. На первой фаланге левого указательного пальца чуть заметный натертый.

– Стреляешь левой? – тихо спросила Лукреция.

– Я могу стрелять двумя одновременно, – он вернул руки на папку и подпернул рукава пиджака.

– Чего ты хочешь?

– Хочу жениться на вашей дочери. Только на моих условиях. А не на условиях Ладовой.

Лукреция опустила голову и закрыла лицо ладонями, чтобы скрыть растерянность. Спросила приглушенно:

– Наташка поставила условия, при которых ты женишься на Аглае?

– Конечно. За первый же год нашей совместной жизни с вами я должен буду найти некоторые документы, или убедиться любым способом, что они уничтожены. Заметили – я сказал «с вами». Наталья Петровна уверена, что вы никогда не позволите жить дочери отдельно, даже при муже. Меня это устраивает.

– Бред какой-то! – рассердилась Лукреция и стукнула кулаком по столу.

– Такой вы мне больше нравитесь, – выдал он и улыбнулся, чуть прищурив глаза.

Лукреция покраснела и от этого еще сильнее рассердилась.

– Я тебе не верю. Какие документы она у меня ищет?

– Несколько листов с цифровыми записями – думаю, это номера счетов и коды. Еще бухгалтерские бланки и расписки. Она закопала это у вас на участке в восемьдесят восьмом. Потом бумаги пропали.

Лукреция встала и прошлась у стола. Раков тоже вскочил.

– Да сиди ты! – отмахнулась Лукреция. – Будет еще учтивость изображать... Смоленский плейбой!

– Никак нет, товарищ майор. Мне по званию не положено сидеть, когда вы стоите.

Лукреция сжала пальцами виски и села.

– Устала. Мне нужно подумать. Почему Наташка считает, что эти бумаги у меня?

– Потому что в девяносто первом, когда полковник Крылов вырыл в присутствии Натальи Петровны металлический кейс, их там не оказалось, – Раков пожал плечами и сел.

– Ну и что? При чем здесь я? Закапывала она с Сенькой Бакенщиком, никто, кроме них двоих место не знал! Тридцать соток – было где развернуться, а уж такого спеца по маскировке, как Бакенщик, еще поискать!.. Кстати! – Лукреция в озарении посмотрела на Ракова, – Крезидой мог до девяносто первого обнаружить кейс металлоискателем!

И от участливой улыбки молодого мужчины напротив тут же сникла:

– Как и любой другой из нас...

– Правильно. Главное – не поиск, а информация о том, что Ладова вообще что-то прятала. Ваша дочь видела процесс закапывания. Наталья Петровна сказала, что в девяностом году об этом узнал ваш друг и бывший соратник по Конторе Крылов. Он нашел несколько дневников Аглаи, когда вы с ним сожительствовали... простите, это меня не касается.

– Точно!.. – кивнула Лукреция. – Крезидой письменный стол ремонтировал в девяностом, и нашел тетрадки. Мы как раз с ним недавно вспоминали, как читали найденные дневники Аглаи. Вырванная страничка... Теперь я знаю, что Бакенщик тоже совершенно не в курсе, куда девалась бухгалтерия Таши. После неудачных раскопок в девяносто первом он угрожал Ладовой пистолетом за сведения о ней.

– Не хотите отстраниться от чужих проблем и перейти к своим собственным? – осторожно поинтересовался Раков. – Время посещения ограничено.

– Чужих проблем? Эти люди – мой близкий круг, ближе них никого не осталось.

– Можно спросить? – Раков подался к Лукреции через стол. – Я слышал тогда, как полковник меня вам предлагала. Если бы не этот разговор сейчас, что бы вы решили?

– Я бы согласилась, – Лукреция ответила сразу, без смущения и раздумий. – Тогда речь шла о муже для моей дочери, пусть даже это была сделка в обмен на твою карьеру и жилищные условия. А сейчас ты меня подло шантажируешь!

– То есть, вас бы устроил «засланный казачок» в вашем доме? А мое предложение взять ситуацию в свои руки не устраивает?

– Послушай, как там тебя... Флигель. На данном этапе нашего общения я все еще верю Ладовой, которую знаю двадцать лет, и не доверяю тебе. Вот не верю, что ты сможешь вытащить меня из этой истории быстро и без последствий. Иначе, зачем тебе угрожать оглаской в прессе?

– Я не так давно в вашей среде трепыхаюсь, но сразу понял, что угроза срабатывает быстрее и четче, чем искреннее предложение помочь и защитить.

Лукреция брезгливо дернула уголком рта и заметила:

– Ну что ж, юркий мальчик, озвучь теперь после угроз свои условия помощи и защиты.

– Я вытаскиваю вас из этой истории быстро и без последствий. Женюсь на Аглае. Прописываюсь в *вашей* московской квартире и рассчитываю на несколько *ваших* звонков нужным людям после окончания университета.

– То есть, ты ставишь на меня?.. – насмешливо удивилась Лукреция. – Смотри, не прогадай – Наташке генерала могут дать!

– Точно. Ставлю на вас. Мы, смоленские молодцы, хитры да не без ленцы. Загонит она меня грязными поручениями, а потом скинет после тридцати за решетку или пенсионерке постарше. Вы поинтеллигентней будете. После устройства на достойной должности я должен иметь право самому распоряжаться одной третьей частью всех своих заработков, а до этого, уж не обессудьте, побуду у вас на иждивении. Это, кстати, для вас будет неплохим стимулом побыстрее и поденежней меня устроить.

Лукреция, совершенно разбитая, кивнула, глядя в пол, и спросила, не поднимая головы:

– Никакого суда?

– Так точно. Завтра до вечера вытащу вас отсюда.

– Что я должна сделать сейчас?

– Просто дайте знак, что согласны на мои условия. Я вам верю.

У Лукреции перехватило дыхание – этот шантажист ей верит! Она медленно подняла голову, ожидая наглой ухмылки победителя, и угодила в грустные глаза цвета гречишного меда.

– Спасибо за доверие, – встал Раков. – Вы никогда не пожалеете, обещаю.

Предсмертная записка

На следующий день к восьми вечера Лукреция вернулась домой. Привез ее Флигель на одном из автомобилей Ладовой. Подняться в дом поначалу отказался. Объяснил это буднично:

– Дом наверняка прослушивают.

Совершенно замороченная Лукреция никак на эти его слова не отреагировала.

В десять утра в следственном изоляторе ей сообщили, что найдена предсмертная записка профессора Ционовского. Почти сразу приехал Крэзи-бой с большим чином из МВД. Экспертиза и заключение по ней были сделаны в рекордные сроки – за четыре часа, материала для сравнения почерка профессора было предостаточно. Потом в ожидании постановления об освобождении Крэзи-бой развлекал Лукрецию в комнате для допросов воспоминаниями прошлого под чай с конфетами. Полковнику Крылову было явно не по себе.

– Может, глотнем для ясности? – он достал из внутреннего кармана кителя плоскую фляжку с коньяком.

Лукреция ничего не ответила, складывая горкой скомканные фантики от съеденных конфет. Но когда Крэзи-бой плеснул себе в чашку коньяка, отобрала фляжку и допила все из горлышка.

– Я не курила сорок шесть часов, – сказала она после этого.

Крэзи-бой суетливо покопался в карманах.

– У меня только сигареты.

Лукреция взяла одну, но закуривать не стала – сидела и нюхала. Крэзи-бой перешел к ближайшим событиям.

– Лейтенантик Наташкин оказался не без способностей. Вчера добился постановления на повторный обыск помещения, в котором был найден мертвый профессор. Ну, как добился... не без моей помощи. Сегодня к восьми утра вскрыли опечатанное помещение в присутствии вашего участкового, а там книг и папок всяких!.. Сама видела, что мне объяснять. Участковый начал книги потрошить, а Раков мебель осматривать. Я подъехал к девяти, комната была засыпана бумажками по колено, а еще и половины не разгреблось. Мне даже поплохело от такого зрелища. Но ради тебя я решил пригнать группу моих ребят, чтобы они по одной каждую бумажку и книжку перебрали, в коробки складывали и выносили это наружу. Пока ребята добирались, лейтенант нашел скомканную записку в кресле, в котором профессор собственно...

– Вот так просто взял и нашел? – уныло поинтересовалась Лукреция.

– Она была глубоко засунута между сиденьем и подлокотником. И нашел ее Раков не просто, а как полагается, в присутствии понятых, Таисии Маслénкиной и твоего покорного слуги...

– Туся была понятой? – встрепенулась Лукреция.

– Была. И сильно страдала, что нельзя самой поискать, а нужно только ждать и наблюдать. Обещала все убрать после нас.

– Это значит, Лайка тоже была при обыске? Они говорили?

– Кто?.. – удивился Крэзи-бой.

– Дочка моя с Раковым! – закричала Лукреция и вскочила.

«Успокоительную» таблетку полковник достал из другого кармана кителя. Из коробочки от леденцов.

– Лайка разговаривать-то осмысленно начала не так давно, а к посторонним ближе чем на два метра не подходит до сих пор. Не понимаю, чего ты завелась? – Крылов помогал Лукреции запить таблетку, мученически кривясь лицом от стука ее зубов о стакан.

Через пятнадцать минут женщина расслабилась до бессмысленной улыбки и радостного обожания всех, кто входил в комнату. Крэзи-бой решил, что уже можно зачитать текст предсмертной записки:

– «Предчувствиям не верю и примет я не боюсь, – начал он проникновенно. – Ни клеветы, ни яда я не бегу. На свете смерти нет. Бессмертны все...» (*Тарковский, «Жизнь, жизнь»*)

– Не-е-ет! – заплакала Лукреция, шлепая по столу ослабевшими ладонями. – Не на-а-адо, пожалуйста, я не могу больше его слышать!.. Засунь себе это стихотворение в ж...!

– Ладно, ладно, – опешил Крэзи-бой и решил сначала молча пробежаться по тексту глазами. – Дальше в прозе, своими словами и по делу: «В благодарность за осознание жизни, ее красоты и уродства, кончаю свое бессмысленное на данный момент существование с любовью в сердце, простив всех врагов и завистников...», двоеточие – «Неймарка, Глуховского...», ты подумай – целый список.! Ладно, это мы опустим, «...изношенность тела не дает более радоваться победам и бороться с неудачами, сознание подводит, и ребенок, обученный мною понятию слов и обучивший меня животной радости существования, вырос. *«Час предвкушаю: смяв время, как черновик, ока последний взмах и некоторый миг...» (Цветаева из «Крысолова»)*. Ухожу в *некоторый* миг 15 сентября 1995 года, старый, больной и счастливый выполненным. Простите, кому любви пожалел».

Полковник Крылов достал платок, вытер вспотевшее лицо и тяжело вздохнул, покачав головой.

– Не предсмертная записка, а целая поэма! Знаешь, я пока читал, засомневался, что наши спецы вообще поймут, о чем это. Но профессор молодец – число указал и вообще... в конце определился с мотивами. А как тебе – «простите, кому любви пожалел», а? Поэма...

– Крэзи, миленький, я хочу полежать, и чтобы – никого, и тихо, ни звука... – жалобно попросила Лукреция, не утирая слез.

Лейтенант Раков забирал Смирновскую из карцера.

– За что вас отправили в изолятор? – спросил он в машине у дома, пытаясь вывести Лукрецию из оцепенения – за всю дорогу она не сказала ни слова.

– Я заплакала почему-то... и попросила где-нибудь полежать в тишине. Ты читал записку Ционовского?

– Конечно. Еще я читал его статью в литературной газете, «эссе» называется. В том же стиле. Ни у кого и тени сомнения быть не может, что это написал именно профессор.

– Где ты ее взял?

– Я нашел записку в кресле, она была засунута...

– Где ты ее взял?!

– Скажу после официальной регистрации брака, – окаменел лицом Раков. – Разрешите просьбу. Не говорите Ладовой о нашей сделке.

– А вот скажу! – злорадно объявила Лукреция. – Завтра же! Крэзи-бой обещал ее привезти сюда из аэропорта. Шагом марш в дом!

Раков вышел и постоял, насупившись, глядя как Лукреция решительно направилась к террасе. Вздохнул, осмотрелся и догнал ее.

– Вы только в доме о делах не говорите.

– Паранойя? – спросила Смирновская. – Кому я нужна? У меня нет тайн.

– Вы можете сами того не зная, подставить других.

– Я тебя умоляю!..

– Не надо умолять. Лучше перестаньте болтать о вашем увлекательном прошлом и близком круге. Такая болтовня приводит потом к обыскам. Что ваш друг полковник Крылов искал в доме профессора накануне его смерти? Там был неофициальный обыск, точно вам говорю!

Лукреция остановилась.

– С чего ты взял, что там были люди Крылова?

– Это элементарно. Пробил по базе Конторы через код Ладовой номер машины, которая стояла неподалеку от дачи профессора. Дальше – дело техники. Вспомните, что вы могли выболтать Крылову в последний его приезд, и найдете причину обыска.

– Значит, пробил номер, – кивнула Смирновская. – А ты что делал в доме Ционовского в тот день?

– В тот день – ничего, – Раков покосился на женщину рядом и решил: – Я действительно ничего не делал в тот день в доме профессора. Хотя должен был. Наталья приказала поискать у Ционовского тетрадки Аглаи. Я пришел, а там стоит автомобиль, и в доме – никакого движения, дверь заперта. Я понял, что соваться нельзя и ушел к станции. Ночью часа в три приехал уже на машине и решил начать не с дома, а с пристройки. Обнаружил мертвого профессора и...

– И его предсмертную записку, да? – Лукреция толкнула лейтенанта кулаком в плечо.

Он улыбнулся жалко:

– Не надо, пожалуйста...

Лукреция ударила сильнее и размахнулась левой. Раков уклонился от удара в челюсть, захватил ее кулак и зашептал:

– Вы поймите, я не хотел ничего плохого. В тот момент меня больше беспокоила проблема собственного рабства. И вам тогда ничего не угрожало. Это уже потом, когда вас задержали...

– Ты слишком приткий, – Лукреция, нахмурившись, выдернула руку. – Ты... Ты меня все время нервируешь! Я хочу помыться и отдохнуть. Знаешь о диагнозе моей дочери?

– Я не врач, – отбился Раков.

– Это точно! – Лукреция быстро пошла к крыльцу. – Ты – интриган и шантажист.

Сватовство лейтенанта

Лукреция с тихим стоном и Туся с подвыванием от задавленного плача – обнялись. Постояли, покачиваясь, расцепились и посмотрели на Аглаю.

– Здравствуй, дочка. Я тебе вот... жениха привела, – жалко улыбнулась Лукреция.

– Из тюрьмы?.. – ужаснулась Туся.

Вошел Раков.

– Это Флигель, – заметила Аглая и двумя пальцами потрогала рукав мамино плаща, что означало просто бурю тревожных эмоций. – Флигеля зовут Антон Раков.

– Прекрасно, вы уже знакомы, – Лукреция сочла представление их друг другу законченным и пошла к ванной, скинув Туся плащ.

Некоторое время молодые были одни – домработница в ванной потребовала от хозяйки объяснений. Аглая застыла на месте, глядя перед собой в никуда. Раков прошелся по гостиной, дошел до стола у окна, за которым обычно писала Аглая, и тронул пальцем карандашный набросок.

Аглая резко вздохнула – как всхлипнула. Раков застыл и медленно убрал руку от рисунка. Девушка выдохнула. Туся принесла поднос с чайником и чашками. Она была в своей рабочей одежде – мешковатом зеленом комбинезоне с широкими лямками поверх байковой рубашки.

– Садись, женишок, чаю попьем.

– А я бы поел чего-нибудь горячего, – с улыбкой заметил «женишок». – У вас супом пахнет. С потрошками?

– С куриными пупками, – удивилась его нюху Туся.

Раков глубоко втянул воздух, закрыв глаза.

– Ладно, не изображай тут... – пробурчала домработница. – Если суп есть, то идем в кухню. И – руки вымыть!

Прошли в большую кухню-столовую – встроенная рабочая часть с современной техникой и древний зеленый абажур с золотой бахромой над древним дубовым столом. Лейтенант осмотрелся у раковины, уважительно кивнул и заметил:

– Ничего так кухонька. Метров двадцать?

Туся с половником застыла у парящей кастрюли. Поджала губы и «обмеряла» глазами жениха.

– Двадцать три с половиной. Не туда! Это место хозяйки. Садись спиной к террасе.

– После вас, – лейтенант отодвинул стул и посмотрел на Аглаю.

Девушка села рядом с Раковым, внимательно осмотрела содержимое его тарелки, подвинулась поближе и зачерпнула ложкой. Лейтенант быстро справился с замешательством, взял другую ложку, выловил куриный желудок, подул на него и протянул Аглае. Девушка рассмотрела желудок с пристрастием исследователя и отодвинулась, покачав головой. Туся поставила перед нею чашку с пустым бульоном.

– И что, интересно, ты будешь делать с такой невестой? – спросила Туся, усаживаясь напротив.

– Какой – такой?..

– Она же умом застряла в восьмилетнем возрасте.

– Я на нее смотреть буду. Еще... есть у меня мечта, не знаю, как сказать...

– Ты, главное, следи за языком в присутствии ребенка, – ехидно посоветовала Туся. – Мечта у него...

– Я хочу ее... расчесывать и косу заплетать, – Раков низко наклонился к тарелке и покраснел ушами.

Туся растерялась. Аглая оцепенела над чашкой. А лейтенант через полминуты выпрямился и весело посмотрел на домработницу.

– С детства не ел такого супа. Спасибо, вы мне просто душу согрели.

– Где жить будешь, тут или в городе? – по-деловому поинтересовалась Туся, стараясь серьезностью скрыть вдруг возникшую жалость к лейтенанту и симпатию. – Тут места больше – все же два этажа, и на всем готовом будешь, хоть Лушка и обещала, что за двоими мне убираться, но уж как-нибудь... И это не дача государственная, как за деревней настроили для номенклатуры. Этот дом наследный, хозяйке от отца перешел, никто не отнимет в случае переворота.

– Жениться бы сначала, – усмехнулся Раков и посмотрел на Аглаю.

– А чего тебе эта женитьба даст? Ни поговорить с невестой, ни приласкать... Подступаться придется по сантиметру в день, а иначе – припадки с членовредительством, спаси Господи. Ох, мальчик... Дорого тебе Москва станет.

В столовую вошла Лукреция в махровом халате, с полотенцем на голове.

– Не будет он здесь жить, – объявила она, наливая себе суп.

– Почему? – вдруг спросила Аглая.

Домработница с хозяйкой переглянулись.

– Потому что ты ходишь по дому голая, – сказала Смирновская, усаживаясь на свое место за столом. – Вот приучишься одеваться, прежде чем выходить из своей комнаты, чистить зубы без напоминания, не раскидывать использованные прокладки в ванной по полу, тогда посмотрим.

– Я хочу, чтоб он жил здесь! – Аглая встала и обиженно посмотрела на мать.

– Хочу!.. Я тоже хочу, чтобы ты трусы меняла каждый день, а не надевала вчерашние, которые закинула с вечера под кровать.

– Я буду, буду надевать чистые каждый день!.. Ну, пожалуйста, пусть он останется!

– Я обещаю... – Раков тоже встал, – приезжать на каждые выходные.

– Вот и отлично, – уныло констатировала Лукреция. – Сегодня как раз суббота. Пирог есть будем. С чем пирог? – спросила она погромче у домработницы, застывшей глазами на лице Ракова.

Туся вздрогнула и очнулась:

– С капустой...

Определение понятий

Как лейтенант ни уговаривал отпустить его в Москву, Смирновская была непреклонна: эту ночь он проведет в Усково. В сумерках она позвала Ракова на террасу «посидеть в тумане». Таисия принесла два пледа. Раков только собрался отказаться – вечер случился теплый, как домработница, укрыв хозяйку в кресле, села на стул и закуталась во второй плед сама. Лейтенант вопросительно посмотрел на Смирновскую.

– Туся, он потом привыкнет, что ты – всегда и везде, а пока уйди и послушай за дверью как обычно, – попросила Лукреция.

Таисия кивнула без намека на обиду и вышла.

– Вы ей... – начал было выяснять Раков, но Смирновская устало перебила:

– Доверяю больше чем себе, оттого и жить нам рядом тяжело. Я – ум, а она – честь и совесть нашей с ней эпохи в этом доме. Когда желаешь стать законным зятем? – не меняя интонации, перешла Лукреция к делам.

– Хотелось бы, если это возможно... – Раков растерялся от такого напора, – до третьего октября подать заявление в ЗАГС, потому что еще ждать два месяца, а после зимней сессии будет распределение практики на следующий год...

– Слишком много слов, – скривилась Лукреция. – У меня был нелегкий день. Я устала. Какое заявление? Во вторник распишитесь, я договорюсь, свадьбы не будет, и – никаких гостей. – Она повернулась к приоткрытой двери в кухню, повысила голос: – Но свадебный торт из «Праги» и шампанское обещаю! – и, повернувшись к Ракову: – Паспорт при себе?

Раков вскочил, поднял низ свитера и достал из нагрудного кармана рубашки паспорт. Протянул Лукреции.

– Я думал, вам нужно время, чтобы навести справки...

– Наша Таша тебя проверила, я уверена, – Смирновская пролистала паспорт и вернула его, вложив внутрь бумажку с именем и номером телефона. – Это важно. Аглая на тебя запала. Ты прикасался к ней?

– Я?!

– В смысле, плечом, или брал под руку, – с досадой объяснила Лукреция. – Обычно у нее после постороннего прикосновения бывают припадки.

– В машине, когда мы поехали в город. Я не знал, что делать... Схватил ее руки и крепко сжал. Она сразу успокоилась.

– Ясно, – вздохнула Лукреция. – Тогда чем скорее ты позвонишь по этому номеру и сдашь кровь на все венерические болячки, тем быстрее сможешь выполнить свое обещание перед Аглаей. По поводу посещения Ускова в выходные, или забыл уже? – спросила она у оцепеневшего Ракова. – Имей в виду, она запоминает все. Как ребенок, которому не важно, почему ты не приехал. Значение имеет только то, что ты обещал и не выполнил. Так что поторопись с анализами, потому что пока я не увижу результаты, посещение этого дома исключено. Торт и шампанское будут в московской квартире, там и обговорим твоё в ней проживание.

– Вы думаете, что я и Аглая... – прошептал обалдевший Раков, – что я могу с ней...

– Я!.. Могу!.. – Смирновская покачала головой. – Еще один ребенок в доме, честное слово... Если Лайка забредет к тебе в постель в своем обычном утреннем наряде – распущенные волосы и цепочка с крестиком – у меня рука не поднимется пристрелить за изнасилование законного и – главное! – здорового зятя. А вот если ты ее заразишь, дав по-дружески отпить из своей чашки – уничтожу как заразу.

Она встала, набросив плед на плечи.

– Комната тебе для ночевки готова. Ты должен знать – Аглае запрещено смотреть телевизор. В этом доме он есть только в комнате для гостей, которая обычно заперта. Если захочешь кассеты просмотреть на ночь, тоже запри дверь.

В зеленом свете из окна столовой Лукреция в плеле была похожа на огромную ночную бабочку – треугольный силуэт и торчащие из небрежного пучка на голове длинные палочки. Серое распластанное облако подобралось к верхней ступеньке террасы, закрыв землю невесомостью и пустотой, в которую страшно ступить ногой.

– Не люблю туман, – поехала Смирновская, уходя в дом. – Он съедает георгины.

Антон Раков сомнамбулой сошел вниз, нащупав ступеньки ногами, и побрел в теплом сентябре наугад. А Лукреция вошла в столовую и наткнулась на застывшую за дверью Тусю. Домработница выставила перед хозяйкой большой палец.

– Молодец! Даже я не разобралась бы лучше.

Лейтенант утром глаза открыл, а у кровати стоит домработница. Угодив взглядом в потрясающий рельеф женских бедер, переходящий в талию неестественной тонкости, Раков сел, прикрывшись одеялом, и вытянул шею, чтобы рассмотреть ноги. Таисия стояла в открытых лодочках на высоких каблуках, нетерпеливо постукивая носком одной из них. Ее щиколотки были под стать талии – завораживающе тонкими. Раков потер глаза и уже внимательно досмотрел все, что выше, до небольшой фиолетовой шляпки с вуалью на рыжих волосах. У щиколоток кончалась длинная черная юбка в обтяжку. Талию подчеркивал облегающий короткий пиджак яркого синего цвета, из-под него – накипь голубых кружев на груди и манжетах шелковой блузки. По веселым глазам домработницы было заметно, что она явно получает удовольствие, но брови – нахмурены, и – руки «в боки».

– Та... Таисия Федоровна... – прошептал Раков, – как вы вошли? Я запер дверь.

– Подумаешь, запер!.. Все ключи от этого дома у меня. Но я постучала. Потом раздвинула занавески. Потом трясла тебя за плечо. Одевайся. Двадцать минут на все. Завтрак в столовой. Откуда знаешь, что я Федоровна?

– Протокол обнаружения предсмертной записки... – пробормотал лейтенант, спустил ступни на пол и нашел глазами свои джинсы с трусами в кресле. – Ваши паспортные данные как понятой. Если не будете выходить, хотя бы отвернитесь.

– Еще чего!..

В столовой перед тарелкой с овсяной кашей лейтенант узнал, что они с Аглаей едут срочно покупать свадебное платье. Раков посмотрел на девушку, улыбнулся ее горящим глазам и извинительно пожал плечами. – Я в этом ничего понимаю.

– Не волнуйся, я понимаю, – подбодрила его Туся.

– Туся красивая сегодня, – заметила Аглая. – Красивей меня. Потому что нарядилась.

– А что еще можно съесть? – спросил Раков, насильно уводя взгляд от домработницы, вернее, от ее вида сзади – она как раз наклонилась к холодильнику, доставая тарелку с бутербродами.

– Осталось одиннадцать минут, – заметила Туся, ставя тарелку на стол. – Пора вывозить средство передвижения.

Что имелось в виду, лейтенант понял, распахнув ворота гаража. Старая черная «волга».

– Когда на ней последний раз ездили? – спросил Раков, осмотрев мотор.

– Меня здесь не было с девяносто первого, – пожал плечами Туся.

– Я не могу ехать на чужой машине, пока все не проверю, – занервничал Раков. – Куда мы спешить? Половина девятого, воскресенье!

– Мы едем покупать платье на свадьбу, – напомнила Аглая, прижимая к груди сумочку. – У меня есть деньги.

Лейтенант застыл, потрогал карман рубашки под свитером и беспомощно посмотрел на домработницу.

– Платье... Это же целое состояние! Я не знал, я вчера приехал из изолятора...

– Да все нормально, – подмигнула Туся. – Платье дарю я. Нам бы за две с половиной минуты убраться отсюда и доехать до поворота к мосту.

– А что будет, если не успеем?

– Столкнемся с Наташкой, ее сюда Крылов из аэропорта везет, уже звонили. А Луша сказала проследить, чтобы она тебя здесь не видела.

– Уезжаем! – заспешил Раков.

В машине Аглая вдруг спросила:

– Свадьба – это ритуал, юридически необходимая процедура или обещание?

Лейтенант нашел в зеркале глаза Туси сзади.

– Лайка, ты с кем разговариваешь? – спросила она с улыбкой.

– Мне профессор рассказывал, как женился два раза, и развелся два раза, а потом нашел женщину, которой не нужно было ничего, кроме обещания любви. Если у нас будет ритуал, то платье необходимо, – продолжила Аглая. – Если юридическая процедура, то достаточно паспорта. А если обещание, не нужно ничего. Давайте лучше поедem в зоопарк.

– А давайте все-таки купим платье, а потом определимся с понятиями, – занервничала Туся.

Платье

В первом небольшом магазинчике в витрине висело три платья.

– Реально их два, – объяснила продавец, – третье требует ремонта. Но на заказ у нас целый каталог, готово будет через десять дней.

– Которое меряешь первым? – спросила Туся, когда болванки с платьями затащили в магазин.

Аглая обошла по кругу оба, широкими многослойными юбками платья заняли почти все пространство.

– Мне не нравится, – сказала она.

– Да ты примерь сначала! Вот увидишь, в зеркале все по-другому.

Аглая с неохотой прошла в примерочную, где они с Тусей и платьем едва поместились. Когда девушка сняла через голову свое шерстяное платье, Туся укоризненно заметила шепотом:

– Ты опять надела трусы поверх колготок! Нужно переодеть, на теле должен быть хлопок. Сорочку придется снять, или подожди, не снимай, просто опусти лямки. Мало ли кто эти платья примерял. Теперь надевай снизу, осторожно... вот так... Повернись и выдохни, я застегну. Какая же ты высокая, в кого, интересно... Вздохни. Жмет?

– Жмет. Мне неудобно. Оно... колется и шуршит противно.

– Выйди и посмотри в зеркало. Вот так, сюда. Ну? Да... коротковато, – разочарованно пробормотала Туся.

– С таким ростом нужно шить на заказ, у нас стандарт – метр шестьдесят пять, – объяснила продавец.

– Теперь все? – оживилась Аглая. – Зоопарк?

– Еще одно место, подороже, – строго посмотрела на нее Туся. – Надеюсь, в Италии другой стандарт.

В дорогом магазине, где Ракова тут же усадили в кресло и принесли чашку кофе, пространства было много. Платья стояли на болванках шеренгой. Аглая сразу направилась к черному. Таисия оттащила ее и обратилась к «консультанту», как было написано на бирке продавца.

– У вас есть что-нибудь нестандартное, из натуральных тканей, без пышных юбок?

Принесли два «нестандартных» платья. Аглая была категорична:

– Мне не нравится.

Таисия поняла, что номер с зеркалом не пройдет и примерки не будет. Ни на что уже не надеясь, она спросила у продавца, где в воскресенье можно купить оригинальное платье.

– Ваша невеста, судя по внешности и капризам, может купить себе платье из прошлогодних коллекций известных модельеров, или просто взять напрокат в модельном агентстве.

– В модельном агентстве?... – не поняла Туся.

– Ну да, в котором она работает. Платье на ней – это ведь Гольцин? Кружева начала века, специальный шов, бархатные вставки. Цвет, правда, странный для Гольцина. Он любит яркий винтаж.

Туся пристально осмотрела Аглаю, которая копалась в своей сумочке. Цвет шерстяного платья на ней и правда был странный – неопределенно-серый. Лукреция назвала его «мышинным». На груди – вставка кокеткой с зелеными бархатными полосами, костяными пуговицами в застежке и черными кружевами в окантовке, сплетенными из грубых ниток. «Мама моя была модница, для нее шили лучшие портнихи, – заявила Лукреция, предложив дочери старый сундук и свои «уроки вышивания». – Где велико – ушьем, где жмет – распорем, а что моль попор-

тила, мы закроем вышивкой, вот тебе набор с нитками и пяльцы». Шерстяное платье шести-клинка с рукавом буф и любимой длиной Аглаи – до щиколоток – имело дюжину зеленых птичек, вышитых на дырках.

Таисия подошла к Ракову. Он вскочил.

– Сиди... Где найти в воскресенье модельное агентство с распродажей старых коллекций, вот вопрос.

Подошла Аглая и протянула ей карточку.

– Что это?.. – отставив карточку подальше, Туся прочитала: – «Модельное агентство «Эксклюзив». Адрес, телефон... круглосуточно». Где ты ее взяла?

– Это когда мы с Наташей ездили прогуляться, – тихо сказала Аглая и вопросительно посмотрела на Ракова.

– Ты подумай, у Наташки и тут все схвачено! Вот же стерва, – восхитилась Туся.

Раков улыбнулся и подмигнул Аглае.

Нестандарт

По указанному на визитке адресу в Армянском переулке на грязных стеклах белой краской выведено «Ремонт». Раков подергал двери соседних подъездов, одна открылась. Надпись на стене крупными буквами: «Туалета нет!». Дорогая металлическая дверь на первом этаже. Желтая блестящая пластинка на ней с единственным словом «Эксклюзив». Раков вернулся к машине, помог Аглае и Тусе выйти и провел их к металлической двери. Аглая тут же зажала нос пальцами.

– Сомневаюсь я что-то, – заметила Таисия, осматриваясь. – Но Наташке видней, – она решительно нажала на кнопку звонка.

Дверь приоткрылась на цепочку, охранник в форме осмотрел их, задержавшись взглядом на Аглае. Туся показала карточку, охранник открыл дверь и сказал им пройти в приемную к секретарю. Помещение оказалось просторным, с дорогой мебелью и картинами на стенах в стиле, который Туся определила как «беспросветный эксклюзив». В приемной женщина-секретарь средних лет смотрела только на Аглаю, спросила, есть ли паспорт, и предложила заполнить анкету.

– Вы готовы попробовать сегодня? – спросила она.

– Мне нужно платье для ритуала, – сказала Аглая.

– Понимаете, – оттеснила ее от стола Туся, – мы не на пробы. Мы хотим купить платье из какой-нибудь старой коллекции.

Секретарь более пристально осмотрела Аглаю, ее одежду, потом – лейтенанта Ракова, напоследок – Таисию. Кивнула задумчиво и поинтересовалась, кто их прислал.

– Полковник Ладова из Федеральной службы безопасности – не задумываясь, ответила Туся.

Секретарь опять кивнула, изобразила извинительную улыбочку.

– Вряд ли я смогу помочь. Старые коллекции продаются не здесь, это закрытые аукционы, на них кутюрье сами приглашают... Сегодня мастер Валериан делает фото-сессию для мужского журнала. Он использует прошлогоднюю коллекцию Пая, но это эпатажный стиль, – она опять мазнула быстрым взглядом по платью Аглаи. – Я вижу, девушка предпочитает...

– Можно взглянуть? – перебил Раков.

Поколебавшись, секретарь кивнула:

– Конечно. Разрешите ваш паспорт? – Она посмотрела на Тусю, потом – на Ракова. – Все равно, чей. Я должна записать посещение.

– Он флигель-адъютант полковника, – тихо подсказала Аглая, опустив голову.

Раков, поколебавшись, достал паспорт.

– А я плачу деньги! – Туся протянула свой.

После записи в журнале, они прошли в «бокс» – ответвление в коридоре, огороженное решеткой, в котором стояли четыре стойки с платьями эпатажного Пая. Аглая просмотрела одну, вторую... Туся дернулась было помочь – пропустить такое шикарное платье!.. но лейтенант придержал ее за руку: – «т-с-с...».

– Вот это! – Аглая сняла что-то со стойки и приложила к себе.

Туся ничего сначала не поняла – какой-то купол из металлической сетки. И только когда стала спиной к окну, смогла рассмотреть сложную конструкцию этого... так сказать...

– Вы уверены, что это платье? – спросила она секретаря. – Похоже на спецзащиту от пчел. Та набрала воздуха, потом выдула его и ободряюще улыбнулась:

– Нужно примерить. В зеркале будет понятней. В любом случае, без разрешения Валериана... – она задумалась. – Давайте так поступим; я провожу вас на съемку, вы там подождете вашу... протеже полковника. Только не проявляйте себя, Валериан не любит, когда родствен-

ники хотят поучаствовать... Ну, вы понимаете? Ни звука, никаких замечаний, а то рассердится и прогонит. А вашей девочке костюмеры помогут одеться, и она выйдет в свадебном платье сразу на площадку.

– Никаких костюмеров, – забеспокоилась Туся. – Она не терпит, когда к ней прикасаются, может устроить истерику.

– Тогда как же?.. – растерялась секретарь.

Аглая подошла к Ракову и попросила:

– Помогите мне надеть платье, Антон. – И – опешившей Тусе: – Мы уже были с адъютантом в примерочной, Наташа приказала. Он видел меня раздетой.

Раков запаниковал, это сразу стало заметно по его лицу.

– Вот и отлично, – Туся ободряюще похлопала его по плечу. – Мой... наш охранник поможет девочке одеться, а ваши костюмеры будут подсказывать. На расстоянии. Пойдите, вы сказали – свадебное платье?..

– Звезда коллекции, – кивнула секретарь. – К нему прилагается металлический обруч на голову, под который заправляется короткая фата... А также браслет-наручники.

– Наручники?.. – опешила Таисия.

– Да. Сюда, пожалуйста, – секретарь показала, куда идти. – Браслет выполнен в виде наручников, один надевается на руку, а второй, поменьше размером, свисает на короткой цепочке. Нюанс с намеком, понимаете?.. – она заметила выражение лица Туси и поспешила успокоить. – Можно не надевать. Это для любителей нюансов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.